

КУЛЬТУРА, ТРАДИЦИИ, ТЕХНОЛОГИЯ

РУССКАЯ ТРЯПИЧНАЯ КУКЛА

Галина и Мария Дайн

КУЛЬТУРА
И ТРАДИЦИИ

РУССКАЯ ТЯПИЧНАЯ КУКЛА

Галина и Мария Дайн

КУЛЬТУРА
И ТРАДИЦИИ

КУЛЬТУРА, ТРАДИЦИИ, ТЕХНОЛОГИЯ

ISBN 5-86444-128-7

9 785864 441282 >

Галина и Мария Дайн

РУССКАЯ ТРЯПИЧНАЯ КУКЛА

КУЛЬТУРА, ТРАДИЦИИ,
ТЕХНОЛОГИЯ

КУЛЬТУРА
И ТРАДИЦИИ

УДК 745/749(470+571)
ББК 85.125(2Рос)+85.126(2Рос)
Д 14

Художник *Н.Е. Ильенко*
Фотосъемка: *Г.Н. Плахута,*
И.С. Алферов, О.В. Семендяева
Рисунки *А.Г. Ермиловой*

При использовании материалов книги на занятиях
и курсах обязательны ссылки на данное издание.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
запрещается без письменного разрешения издателя.

ISBN 5-86444-128-7

© Культура и традиции, 2007
© Дайн Г.А., Дайн М.Б., 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Тайны куклы-домоделки / 6

Встречают по одежке / 8

Анатомия тряпичной куклы / 12

Чем набита твоя голова? / 16

Белолика и безлика / 18

Коса — девичья краса / 24

Без рук, без ног, а цело / 26

Грудастая девка / 28

Кукольные парочки / 30

Обереги и «чертовы куклы» / 34

Кукольные игры / 38

Тряпичные куклы знатного рода / 42

Кукольных дел мастера / 50

Об изучении русской тряпичной куклы / 112

Литература / 117

ТАЙНЫ КУКЛЫ-ДОМОДЕЛКИ

Еще в середине XX века почти в каждой семье в деревне и городе дети играли тряпичными куклами. И только с 1960-х годов, когда промышленные предприятия начали выпускать миллионные партии игрушек из пластмассы, традиция изготовления домашней куклы почти угасла. Однако не исчезла совсем, глубоко отложившись в народной памяти.

Кукла — знак человека, его игровой образ-символ. В этой роли она фокусирует время, историю культуры, историю страны и народа, отражая их движение и развитие. К этому благодатному источнику духовности и обращаются те, кто изучает народную культуру, кто стремится донести до потомков драгоценные ее крупницы.

Кукла — способ познания жизни и для тех, кто ее создает, и для тех, кто с нею общается. Кукла — не иллюзия, а претворенный материал, осязаемая вещь, иногда произведение искусства. Вместе с человеком она освоила многие материалы и разные технологии, от древних до новейших.

Глиняные и деревянные фигурки стали национальным сувениром, куклы из гипса, воска, металла — достоянием музеев и коллекционеров. Папье-маше и фарфор в куклах сменили целлулоид, гуттаперча, резина и смолы; на смену им пришли куклы из твердого пластика. В свою очередь полиэтилен вытеснили мягкий пластик и винил...

Однако в этой цепочке технологий не устарела традиционная тряпичная кукла. В сегодняшней России она переживает подлинное возрождение. Рукотворная лоскутная фигурка выполняет теперь новую коммуникативную функцию. Она стала живым средством общения и приобщения к народному культурному опыту. В нем многое созвучно современникам — взрослым и детям.

Традиционная тряпичная кукла несет память культуры и делает это гораздо ярче, шире и глубже, чем любая другая игрушка. Условная человекоподобная фигурка когда-то выполняла магическую роль, служила оберегом. Она участвовала в обрядах и праздниках, в ритуальных событиях круга жизни земной, отмечая рождение, свадьбу, уход к предкам. Отзвуки древних смыслов куклы, дожившие до наших дней, услышаны и интерпретируются на фольклорной основе в разной форме.

Тряпичная кукла — игрушка с ценными воспитательными качествами, которые признаны и культивируются в этнопедагогике, в практической работе с детьми. Это великолепный образец для занятий по рукоделию, художественному труду и творчеству, декоративно-прикладному искусству и текстильному дизайну. Народная тряпичная кукла дает сегодня блестящие уроки техники и технологии, формообразования и художественного конструирования из ткани. Эта универсальная игрушка имеет духовное наполнение — здесь кроется притягательность лоскутной куклы.

У писателя Евгения Носова есть рассказ «Лоскутное одеяло». В нем два героя: бабушка Варвара Ионовна и ее внук. Их роднит и душевно сближает «веселое разноцветное полотнище», умело собранное из лоскутков, обрезков от шитья «нехитрой крестьянской обновы». Каждый треугольничек и квадратик — как страница памятной родовой книги, которую по вечерам бабушка «читает» внуку. Лоскут «с голубыми колокольцами» — про первое «мамкино платьице», купленное на Троицу

у корабейников с ситцами, про жизнь деревни. Тряпичный косячок, где «по синему белой крупкой посыпано, вроде как звезды по ночному небу, — это от дедушкиной рубахи». Словно фронтовое письмо-треугольник, напоминает он о судьбе родного человека, о войне и революции, трагических событиях в истории отечества. Автор рассказа как бы воссоздает русский характер, образ отчего дома. Так и тряпичная кукла. Кукольный народец, подобно пестрой лоскутной мозаике, хранит в себе мастерство и искусство своих создателей, труд собирателей, коллекционеров и ученых. В кукольной хронике, как в ярком калейдоскопе, высвечивается жизнь российской культуры, негаснущая народная память. И кто бы ни делал тряпичные куклы, кто бы о них ни писал, у каждого получится своя «лоскутная история».

Удивительна схожесть, перекличка кукол у разных народов. Их объединяет не только происхождение (игровые куклы везде возникли из обрядовых, вышли из ритуала), но и общечеловеческие идеи и ценности: преемственность в родстве, семейственности и родительской опеке, в почитании предков.

Вот почему у русской тряпичной куклы множество культурных аналогий.

Национальное своеобразие русской куклы нагляднее в сравнении с традиционными куклами других народов России.

Привезенные Г.А. Дайн из экспедиций в 1980—90-е годы татарские, башкирские, хакасские, мордовские куклы обогащают и дополняют иллюстративный ряд этой книги, посвященной русской тряпичной кукле, говорят о схожести и самобытности, о взаимовлиянии народных культур.

Встречают по одежке

Рукотворная игрушка служила для наших предков своеобразным родовым этническим кодом, который указывал ориентиры жизненного пути. Рассматривая старые куклы, мы заметим, как проступает в них цепочка скрытых символов, характерных для мифологического сознания крестьянина, для русской народной культуры. Поэтому в изготовлении традиционных тряпичных кукол не было случайностей — во всем усматривался определенный смысл. Как правило, тряпичные куклы были простейшим изображением женской фигуры: кусок ткани, свернутый в скалку, тщательно обтянутое белой льняной тряпицей лицо, груди из ровных тряпичных шариков, коса и обыденный или праздничный крестьянский наряд из лоскута.

Чаще всего кукольные костюмы шили из лоскутков покупных тканей — ситца и сатина, кумача и коленкора. Они, в отличие от домотканых, вплоть до начала XX века оставались для деревни дорогими и предназначались для праздничной одежды. Оставшиеся обрезки хранили в мешочках, берегли на игрушки. А когда мастерили куклы, лоскутки тщательно подбирали. Особо ценили красные тряпочки, они шли на самые красивые куклы. Красный цвет издавна служил оберегом, символом жизни и производительной силы природы.

Тряпичные куклы, сшитые из нового лоскута, специально делали в подарок к крестинам, к дню ангела, к празднику, выказывая родственную любовь и заботу. В старину на праздник Введения Богородицы во Храм, когда начинались зимние гулянья на санях, малым детям и именинницам посылали в подарок «козырные» санки с куклами. Такая обязанность лежала на тещах и крестных матерях¹. Заметьте, «домодельные» куклы дарили родным и близким, скрепляя родовые узы: это тоже одно из свидетельств их сакрального значения. В семье же, для своих детей, куклы «вертели» обычно из старого тряпья. И даже не по бедности, а по ритуалу кровной близости. Считалось, будто

*А. Дмитриева.
Эскиз костюма
крестьянки
Тульской
губернии для
моделирования
кукольной
одежды*

*Кукла. 29 см,
1900-е гг.,
Архангельская губ.
Художественно-
педагогический
музей игрушки
Российской акаде-
мии образования
(ХПИМ РАО)*

А. Дмитриева.
Эскиз
праздничного
костюма
Тульской
губернии для
моделирования
кукольной
одежды

ношенная материя хранила родовую силу и, воплотившись в кукле, передавала ее ребенку, становясь оберегом. По той же причине новорожденных завертывали в нательные родительские рубахи, пеленали в пеленки из ношенной одежды. Для кукол чаще всего использовали подола женских рубах и фартуков. Именно эти части костюма, соприкасаясь с землей и вбирая таким образом ее силу, имели наибольшее сакральное значение. Примечательно, что лоскутки для кукол всегда рвали руками по прямой нитке, а не отрезали ножницами. Считалось, что такая игрушка пророчила ее маленькой хозяйке целостность без изъянов и повреждений. Часто кукольная одежда точно передавала особенности местных костюмов. На известной кукле из Орловской губернии — холщовая рубаха с прямыми полами, с распашью спереди, с нашитыми на плечи прямоугольными лоскутами кумача (см. с. 11, 94). Ворот, как у настоя-

Куклы архангельские.
21,5 см, 1900-е гг.
ХПМИ РАО

щих рубях, собран на узкую обшивку и украшен зеленой шелковой лентой. Верх рукавов и манжет отделан полоской красноузорного ткачества. На кукле характерная орловская понева из домотканой шерсти с прошвой из черного и синего сатина, обшитая по подолу красным шерстяным плетеным пояском. Поверх поневы надет передник с оборкой из яркого цветастого ситца с крупнораспортым узором. На голове куклы красуется убор в виде венца, расшитый галуном, бусами, блестками, лентами.

Документальность кукольного костюма не означает, однако, простого подражания подлинной крестьянской одежде. Напротив, мастерицы умели сделать такой отбор деталей, выработать такие традиционные приемы, которые говорят о создании художественного образа в тряпичной игрушке.

Сегодня покажется странным, что костюм с куклы не снимался. Неужели наши предки не могли додуматься до такой простой вещи? Но они не ставили перед собой этой задачи: ведь куклу творили как целостную форму. Это важный принцип: кукла — не манекен для переодевания, а самоценный образ. Костюм органично участвовал в пластике игрушки. Его крой был прост и по-кукольному выразителен. Поневу для тряпичной фигурки шили из одного куска ткани, в то время как в женской одежде она была четырехклинной. С еще большей свободой костюм декорировали. Расшитые узором оплечья рубаш имитировали одной-двумя полосками вышивки красным крестом. Звучным красочным орнаментальным пятном украшает куклу передник из ситца с ярким цветочным узором. А из сложного головного убора, состоящего из нескольких частей, мастерицы выбирали лишь самую эффектную деталь — например, расшитую повязку с шелковой лентой, венчающей голову красным веером. Пропорции большеголовых кукол, далекие от натуры, делали и кукольный костюм условным, иносказательным. Он подчинялся природе самой куклы, существа независимого. При

этом именно костюм всегда определял этнически конкретный тип в кукле, отвечая реалиям игры. Кукла в розовом сарафане не могла исполнять роль пожилой женщины, а кукле-«женке» не позволялось играть «невесту».

Кукла в праздничном костюме Русского Севера. 37 см, XIX в. ХПМИ РАО

Сарафан и рубаха сшиты из малинового штофа. Твердое очелье кокошника отделано галуном, мягкое донце расшито золотными узорами с мотивом древа жизни и птиц, украшено перламутром. Лицо вышито по предварительному рисунку. Нос выделен объемной горбинкой. Серьги вставлены в уши, вышитые черными бумажными нитками. Большая голова и суровое выражение лица говорят о древних культовых представлениях славян, материализованных в кукле.

А. Тихонова. Кукла «Ляхонка». 40 см, 1997 г.

Кукла выполнена по образцам мастерицы М.В. Прохоркиной из села Волчье Добровского района Липецкой области. Название происходит от местного слова «лахонь» — тряпка. Фигурку держит круглая столбушка диаметром 6,5 см, обернутая старым светлым тряпьем и обвязанная нитками. К верхнему торцу прочно привязана шарообразная голова, обтянутая белой тканью. Грудь перекручена нитками восьмеркой и привязана к туловищу. Одежда сшита вручную с использованием тканей от подлинных народных костюмов. Кофта скомбинирована из розового и оранжевого шелка, на оплечья нашта зеленая бахрома — «красота». Набитые тряпьем длинные рукава служат руками. Кумачовый убор, свисающий на спину, завершает голову изящной «лычкой». На фоне черной как земля плиссированной поневы передник сияет красочным соцветием, перебором блестящих лент, кружев, вязочек-дорожек, бегущих складочек. «Связанная по рукам» кукла воспринимается как знак праздничного торжественного предстояния. Такие куклы участвовали в свадьбах.

Кукла. 40 см, 1932–1933 гг.,
г. Новосиль Орловской обл.
ХПМИ РАО

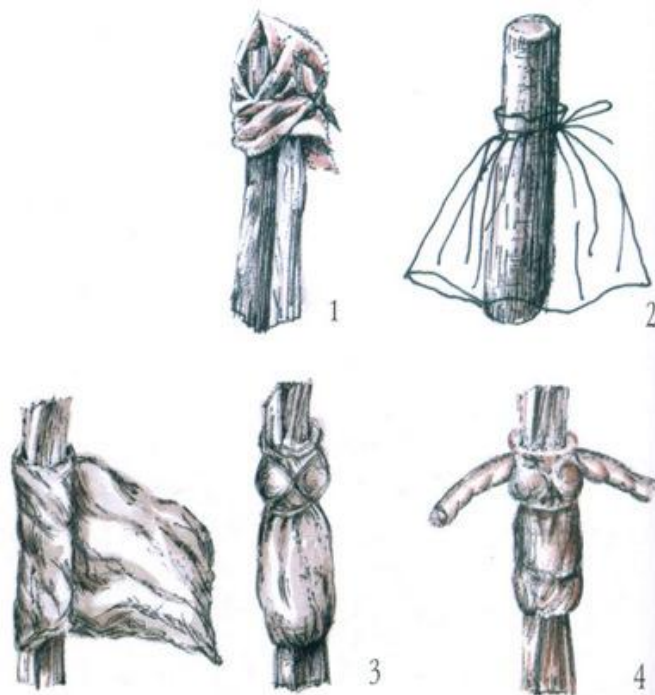
Анатомия тряпичной куклы

Исследователи долго не догадывались заглянуть внутрь тряпичной куклы, где, оказывается, и скрыты самые важные ее тайны.

Русская тряпичная кукла включает в себя несколько архетипов, сформированных традицией. Столбушка (столбец, полено, чурка), крестушка или крестец, кукла на палочке, узловая (узелковая) кукла, пеленашка, закрутка (скрутка, скатка, скалка), набивная кукла-мешочек — все они бытовали одновременно в XIX — первой половине XX века в деревне и малых провинциальных городах. Каждый тип в свою очередь рассыпан на множество локальных вариантов, характерных для той или иной местности. На Русском Севере дольше сохранялся архаичный тип куклы на палочке, скромных размеров и благородной красоты; на юге — тип набивной мешковидной большоголовой праздничной (обрядовой) куклы, дородной и яркой. В центральных областях раньше появилась сшивная членораздельная фигурка с разными набивками и вариациями лица; в северных, льноводческих, районах делали куколки из льняной кудели, в южных — конопляные и кукурузные.

Исследователи обратили внимание на то, что куклы разных регионов при всем их внешнем образном различии близки по способам изготовления внутренней первоосновы. Заметили общую для кукол столбообразную форму туловища, которое свертывали так плотно, что получалась будто скульптурка из твердого материала. Одевать в платье деревянные изображения, «представляющие девочек, мальчиков, ребенков» было давно принято в играх с куклами². До сих пор на Русском Севере сохраняется традиция наряжать в костюм деревянную палочку — явный отголосок связи куклы с древней столбообразной культовой скульптурой из дерева. Не случайно и зольная (набитая золой) кукла уподоблена неподвластной

времени «каменной бабе». Отсюда этнографы сделали вывод о том, что «внутри одетой бытовой куклы, игрушки-самodelки, скрывается ее основа — идол, дух предка», и происходит она «от общего магического пращура»³. Какие же архаичные представления аккумулировались в туловище тряпичной куклы?

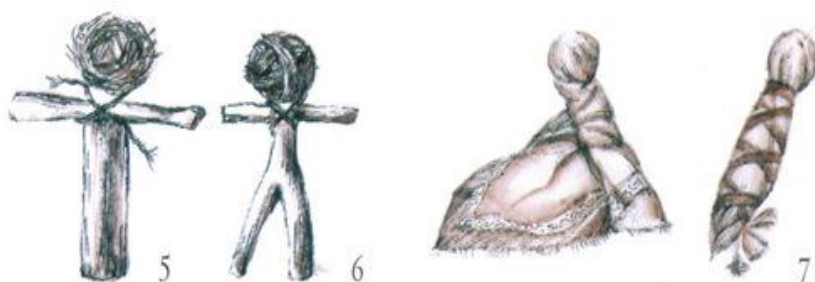

1—2. Кукла-полено (столбушка или столбец)
3—4. Куклы на палочке

М. Сабитова. Татарские куклы «Семья». 1987 г., дер. Каран, Башкирия

5—6. Крестушки из палочек
7. Кукла-пеленашка

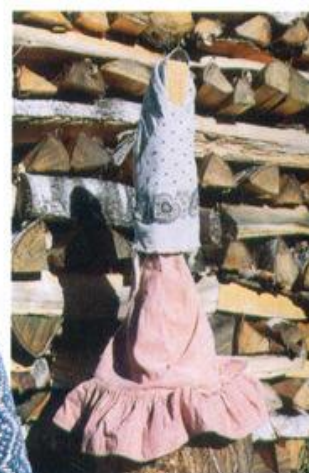
Кукла-полено.
53 см, нач. XX в.,
Смоленская губ.
ХПМИ РАО

А. Костюкевич.
Поморская
кукла-акань.
18,5 см, 1995 г.

Кукла на палочке.
23,5 см, кон.
XIX — нач. XX в.,
Архангельская губ.
ХПМИ РАО

При всех этнографических различиях везде кукла являла собой мифологическую формулу мироустройства, отражая самую суть вселенского круговорота в природе и в жизни человека. Простейшая трехчастная фигурка, перетянутая по месту шеи и перепоясанная, строилась по схеме триединого мира: небесного (верхнего), земного (среднего) и подземного (нижнего). Крестовидные куклы указывали еще и на четыре стороны света. Таким образом в самой их конструкции содержалось универсальное число семь — символ мироздания. Магия семерки живет в нашей речи до сего дня: «семь раз отмерь», «семь пятниц на неделе», «семеро с ложкой», «седьмая вода на киселе», «на седьмом небе» — значит, наверху блаженства, «в раю». В русских сказках действуют семь братьев, семь богатырей, клад спрятан «за семью печатями», «за семью замками»... Наконец, каждодневное слово «семья» звучит как древнее заклинание: «я» — в центре мироздания, «я» должен повториться семь раз — тогда будет семья. Эта мощная символика зашифрована и в кукле. Местобитие куклы в центре мифологической модели триединого и четырехстороннего мироздания фиксировал крест, который перевязывал ее грудь. И значит, простейший по конструкции архетип тряпичной куклы передавал из поколения в поколение по наследству код древнего мироустройства. Являясь переходным мостиком между материей и духом, кукла соединяла в себе представления о бытии и небытии, о жизни и смерти. Спеленутая, туго скрученная основа (без рук и ног, без лица) напоминала покойника, предка, а внешне кукла изображала конкретный этнический типаж, женщину в народном костюме. Столбообразная фаллическая форма куклы-скалки говорит нам также о мужской ее символике, а выделенная грудь, энергично перетянутая косым крестом, является знаком плодородия, свидетельствует о женской сущности. Смерть рождает новую

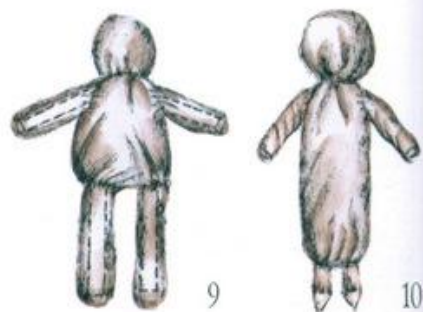
жизнь, а жизнь продолжается в гармоничном слиянии двух природных начал, мужского и женского, — такую емкую символику содержит формула простейшей тряпичной куклы.

8. Куклы из жгутиков

9. Кукла-мешочек сшитыми руками и ногами из палочек, обтянутых тканью

10. Кукла-мешочек с пришитыми руками и ногами с набивкой

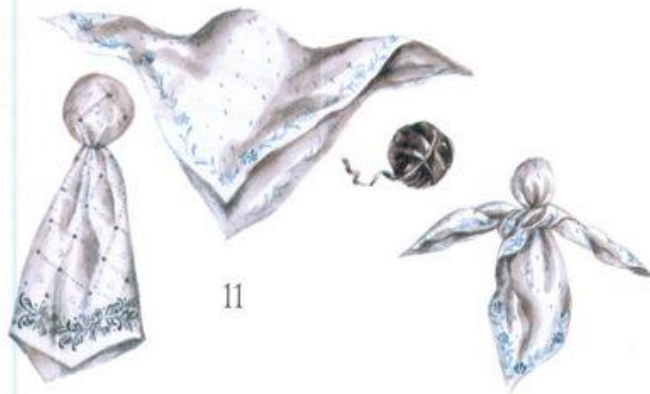

Е. Дикова.
Каргопольская
кукла-скалка.
14 см, 2007 г.

Г. Поверина. Кукла-крестушка.
8,5 см, 2005 г.

11

12

11–12. Узелковые куклы
13. Кукла-скрутка (закрутка, скалка)
14. Скрутка с пришитой грудью
15. Скрутка (скалка)-крестец
16. Закрутка с пришивными руками

13

14

15

16

17. Закрутка с палочкой, закатанной внутри

17

18. Закрутка со скатанными ногами

19. Кукла-мешочек с набивкой

20. Кукла-мешочек, набитая соломой, с пришивными руками

21. Кукла-мешочек с привязанными ногами из прутиков

18

19

20

21

В. Давыдова.
Куклы-голыши.
29 см, 2007 г.

Чем набита твоя голова?

В мифологическом сознании наших предков голова олицетворяла Небо, считалась источником всех жизненных сил человека, связывая его с Космосом. Не случайно русские женщины никогда не ходили простоволосыми — покрывали голову платком. Этот обычай до сих пор соблюдается в православной традиции, подтверждая глубину исторической преемственности в духовном опыте народа. Кукольной голове было что скрывать. Ее набивку плотно валяли из очеса собственных волос и шерсти животных, из кудели, пакли, кострики, тряпок. В полотняную тряпицу клали и клубок ниток, что, видимо, связано с обращением к женскому божеству Мокоши, прядущей нити человеческих судеб, а затем к Параскеве Пятнице — покровительнице прядения и ткачества. Такую клубковую куклу-головастика делали и дарили, чтобы жизнь хозяйки куклы была, подобно нити, длинной и прочной, а сама она стала бы трудолюбивой, умелой «тонкопряхой». В головной узелок прятали даже птичье гнездышко — свидетельство связи куклы с небом, где обитают пернатые, и одновременно пожелание девочке свить свое гнездо, обзавестись домом и семьей.

Сакральный смысл можно углядеть и в тех простейших закрутках, где не было отдельно набитой головки-шарика. В архангельской традиции во множестве встречались маленькие куколки величиной с палец, свернутые из полотняного лоскутка в плотную трубочку. На тряпичный столбик надет длинный наряд, наружу выглядывает крохотная головка. Без лица, без волос, без головного убора. Зато взгляд сразу привлекает завиток на макушке. Кажется, он и есть первоэлемент куколки, формообразующее и смысловое ее начало. Верхний край ткани сначала аккуратно подвернут, а затем ровно скручен тугой трубочкой, образуя в торце четкий спиральный узор. Упругая змейка, венчающая кукольную головку, не зря бросается в глаза: спираль — древний символ плодородия и блага. Наглядной аналогией может служить традиционная тряпичная кукла хантов «пакы».

Наиболее древним наполнителем, вероятно, являлась зола. Обычай ссыпать золу в определенное место неподалеку от жилья был распространен у многих народов. На зольник сносили домашний сор, кости животных, разбитую посуду, игрушки. И чем больше нарастал холм, тем больше гордились им хозяева, тем богаче и многочисленнее считался род. Археологи связывают зольники с культом домашнего и родового очага. Поэтому кукла, изготовленная из золы, также имела магическое значение. Подаренная молодым на свадьбу, она символизировала увеличение рода.

Наблюдая за изготовлением зольной куклы в Воронежской области, мы увидели, что начинается она с головы. А голова «возрождается из пепла», буквально иллюстрируя это популярное выражение. П.И. Щербинина целый час формовала комочек золы, смачивая ее слюной и водой. Скорее всего, для совершения этого ритуального действия выбирали раньше опреде-

Тряпичная хантыйская кукла-«пакы». 1990-е гг.

Тряпичная кукла-закрутка. Начало XX в., Архангельская губ.

ленное время суток. Шарообразный зольный комок, сбитый как мяч, полностью соответствовал по величине охвату ладоней, рукам, которые и служили универсальной мерой. Такие большеголовые куклы высотой от 40 до 60 см бытовали в разных местностях. Причем голова перетягивала, перевешивала туловище. Она не только тяжелее его, но и сильно преувеличена по сравнению с пропорциями человеческого тела. «Голова так голова!» — говорит с удовлетворением мастерица, когда зольный комок превратился в ровный шар.

Зольная кукла связана и с культом предков. Наглядное тому подтверждение — традиционная эрзянская кукла. Такие игрушки привезли мы из экспедиции по Мордовии в 1993 году. Жительницы села Подлесная Тавла рассказывали: «Вот сделали куколки, какие были у нас в детстве. Сидим дома зимой на печи и играем. Насыплем в тряпочку золы прямо из печки, туго свернем — выйдет головка. К ней уже туловище приделаем, нарядим — вот и готова еще одна кукла, наша, мордовская». На эрзянском языке зола — «кулов», умереть — «куломс», покойник — «улов». Во всех трех словах — один корень, живое языковое свидетельство о тех временах, когда умерших сжигали. Связь зольной куколки с предками очевидна. Под лоскутиками, чей век недолог, сокрыта нетленная частичка ушедшего мира. Горстка золы, замурованная в кукольную одежду из новой материи, служит посредником между существующей жизнью и сторевавшей, отошедшей в прошлое.

*П.И. Щербинина. Зольная кукла с кукленком.
40 и 12 см, 1989 г., с. Шубное Острогожского р-на,
Воронежской обл.*

Белолика и безлика

Родовой и домашний очаг, память о предках, нить личной судьбы — на этих ценностях «сходился белый свет», когда углы светлой полотняной тряпицы связывались крепким узлом из льняной нитки, обтягивая шаровидную голову. Мистическая безликасть — тоже одна из древних тайн тряпичной куклы. Это роднит ее с обрядовыми фигурками, чаще всего тоже безликими. Если такие жизненно важные идеи «замуровывались» в голову куклы, то вполне логично, что само лицо теряло всякое значение. Изображение лица в кукле долго было в крестьянской среде под запретом. Безликасть сохраняла куклу в целости, подобно упаковке. Смысл этой стойкой символики в кукольной традиции давно забыт. На вопрос, почему у куклы нет лица, деревенские женщины отвечали, что оно ей просто не нужно, что в доме не должно быть лишних глаз. Значит, зрячая кукла опасна для ребенка. Ведь глаза, нос, рот, уши, даже и нарисованные, — все равно есть врата, через которые происходит связь с космическими силами, светлыми и темными, добрыми и злыми. Следовательно, лучше не открывать эти врата, надежнее наложить на них табу. Кукла без лица отрешена от бытовой конкретики, от живого человека. Она слепа, глуха и нема — сама по себе, сама в себе. Только в таком «гробовом» молчании и можно сохранить тайну рода, семьи. Такое отношение к кукле с «личиною» от-

Безликая тряпичная кукла. 60 см, нач. XX в., Смоленская губ. ХПИИ РАО.

М. Сысоева. Кукла-девка. 38 см, 1998 г.
Государственный
Российский дом
народного творчества
(ГРАНТ)

Г. Давлетишина с куклой.
Дер. Магадеево Бурзянского
р-на, Башкирия

Г. Давлетишина. Башкирская
тряпичная кукла на палочке.
32 см, 1987 г.

мечено и в культурах других народов. Так, у таджиков и узбеков тоже запрещалось делать куклы с нарисованными и вышитыми лицами. Это считали грехом и объясняли тем, что в день воскресения из мертвых придется отдать часть своей души таким куклам⁴.

Впрочем, кукольная личина тоже не всегда оставалась чисто белой. Традиционные тряпичные куклы южной России делались и с лицом, перетянутым красной нитью косым крестом. Деревенские мастерицы Белгородской и Кур-

ской областей говорили нам, что таким образом обозначают пухлые щеки и подбородок. Но только ли в этом дело?

Мотив крестообразной вышивки на лице может быть связан с астральными символами, с солнечным божеством. Косой крест — заклинательный знак плодородия, перетягивающий обычно кукольную грудь, в южнорусских тряпичных фигурках вынесен на лицо, вписан в солнечный круг. Не случайно таким куклам не пришивали волосы, а у зольной воронежской куклы нет даже и головного убора. Шарообразная голова, преувеличенная, безволосая, как бы сама в себе заключала идею солнца. Ее совершенная законченная форма выражала стабильность, защищенность, жизнотворную повторяемость — символом чего считался солнечный знак. Тряпичные куклы с крестообразным лицом, выплетенным из цветных нитей сложным узором, бытовали в разных этнокультурах: у грузин, осетин, киргизов и узбеков⁵. С солнечным божеством связаны, вероятно, и хакасские тряпичные куклы, лица которых обтянуты красной материей.

В конце XIX века заметно стремление сделать тряпичную куклу более правдоподобной. Облик куклы менялся с изменением ее функции. Условная безликая фигурка утрачивала магическую обрядовую роль, становясь развлекательной игрушкой, купленной на ярмарке.

Грузинские народные куклы с вышитыми лицами. Копии рисунков из Отдела этнографии Государственного музея Грузии

Е. Шалгинова. Хакасские тряпичные куклы. 15, 13 и 4 см, 1988 г., улус Шалгинов Бейского р-на, Хакасия

Чувашские обрядовые куклы
«йерехи».

Е. Ярская. Тряпичная кукла
с крестообразным лицом.
25 см, 1990 г. Изготовлена
по мотивам праздничных кукол
О.И. Маничкиной из с. Подсерднее
Алексеевского р-на Белгородской обл.

Тряпичная кукла «обретает лицо», которое становится важнейшим элементом кукольного облика. В его создании участвуют средства пластики, линии, цвета. Черты лица конкретизированы с помощью рисунка, росписи, вышивки.

Традиционно лицо куклы рисовали углем из печки, и это тоже говорит о связи игрушки с домашним очагом. Пользовались простыми, химическими и цветными карандашами, чернилами. Но чаще вышивали, используя универсальные приемы традиционной народной вышивки, где женские лица («девы», «матери», «бабы», «куклы») обозначались крестообразными и ромбовидными узорами. Элементы этих канонических вышивок переключались и в игрушку, определяя тип кукольной красоты.

Глаза изображены крестиками или отмечены точками. У северных и нижегородских кукол они посажены, как узелки, а московские и сергиево-посадские куклы более глазасты. Из «гляделки» — пустые ромбики, «не видят ни крошки», совсем как в народной приговорке «у доброй девки ни ушей, ни глаз». У одних кукол тамбурным или стебельчатым швом наведены соболиные брови правильной симметричной формы, у других бровки протянуты тонкой черной ниточкой или цепочкой из крестиков, простеганы дугой или стоят домиком.

Нос часто отсутствует, можно предположить, что его изображение вызывало трудности. Однако куклы с носами тоже встречались. Прошитые стяжные носы с подложкой были попыткой придать лицу объем.

Рот, как правило, вышивали красными нитками плотными стежками или традиционным крестиком (закрыт на замок!). Ротики были маленькими: кукла не смела «рта разинуть», молчала

Кукла с вышитым
лицом. 1930-е гг.,
Касимовский р-н
Рязанской обл.
ХПМИ РАО

Кукла. 1900-е гг.,
Пинежский уезд
Архангельской губ.
ХПМИ РАО

«как воды в рот набрала». При всем разнообразии кукольных ликов все они схожи своей строгостью и благообразием. Нет ни одной веселой, смеющейся куклы. В этом сказывается связь игрушки с культом предков, а также с благообразием православных женских образов, которые постоянно были перед глазами.

Кукла с вышитым
лицом. 1930-е гг.,
Касимовский р-н
Рязанской обл.
ХПИИ РАО

Варианты вышивки
лиц тряпичных
кукол. Кон. XIX —
нач. XX в.

Коса — девичья краса

Непременным элементом красоты игровой куклы была коса. Обычно ее делали из льняной кудели, а иногда и из настоящих волос. «Бывало, всякую волосинку за зеркальцем хоронили — это кукле на косу», «косу обязательно сплетем, что уж за девка без косы, и прическу с чупом разберем, и косицами обведем», — вспоминают свои детские увлечения жители ярославских деревень.

Это живые свидетельства обрядовой роли куклы. Народная традиция наделяла волосы, особенно женские, огромной энергетической силой солярного божества⁶. Сплетенная из трех прядей светоносная коса символизировала гармонию троичности мира. Не случайно и детей не стригли до годовалого возраста: волосы — связь с матерью, защита. Этот обычай соблюдают до сих пор, считая, что повредить, сглазить человека легче всего через его волосы. Вот почему их никогда не выбрасывали, а сжигали в печи или «хоронили» в укромном месте. Пришивая настоящие волосы на куклу, ее тем самым приобщали к семье, игрушка становилась «кровным» передаточным звеном в родовой цепочке. Такие образцы во многом обрусевших тряпичных «кэкле» привезли мы из экспедиции по Хакасии в 1988 году. Прическу делали и из конского волоса, как продемонстрировала нам Е.А. Шалгинова из улуса Шалгинов Бейского района. Об особом внимании к кукольной косе говорят и произведения фольклора.

Ты расти, расти, коса,
До шелкова пояса:
Как ты вырастешь, коса,
Будешь городу краса! —

припевали девочки во время игры, обращаясь к кукле⁷. Знали сказки про «Красную Красу — Долгую Косу» и во многих песнях воспе-

Кукла
с кудельной
косой. 17 см,
нач. XX в.,
Архангельская
губ. ХПМИ РАО

Е. Сагалакова.
Хакасские
тряпичные
куклы. 1988 г.,
улус Карагай
Таитынского
р-на, Хакасия

вали русую, золотую косу и «девичье да украшеньце» — ленту.

Представления о значении женских волос, естественно, переносили на куклу. Коса не только ее украшала, но и придавала кукольным играм живой, обрядово значимый характер. Косу можно было расчесывать, расплетать, снова заплетать, используя разные ленты, и делать «бабью» прическу, меняя головные уборы. Благодаря по-особому пришитому к кукольной голове клочку простой кудели кукла, как в сказке, обращалась из девицы в невесту, молодуху, женку, мать... Так в кукольной косе материализовалась идея продолжения рода.

М. Краюшкина. Кукла с косой из кострики. 22 см, 1993 г., с. Абашево Пензенской обл.

М. Сысоева.
Кукла с косой.
32 см, 2005 г.

Кукла. 17 см,
кон. XIX — нач.
XX в., Смоленская
губ. ХПМИ РАО

Без рук, без ног, а цело

Архаичные представления воплощались также в туловище куклы.

К концам головного узелка, образующим кукольную шею, приматывали толстое «туло», скручивая прямоугольную ленту ткани в плотную трубочку. Туго-туго «закомкают», «укрутят», «собьют», «сваляют», «свертят» старые изношенные рубахи и обернут их в белую полотняную тряпицу. Полное впечатление, что фигурку пеленали, а заодно будто обряжали в саван покойника. Вероятно, сам этот способ носит сакральный смысл, подобно пеленанию детей. Вспомним, как повсеместно в России вплоть до середины XX века пеленали новорожденных, их так и называли — «пеленашки». Ребенка завертывали в мягкие пеленки, нарванные из ветхих рубах, и «обкручивали», «обвивали» свивальником — широкой длинной лентой из холстины. Делали это, чтобы младенец «в люльке не брыкался, спокойно лежал и спал», «сам себя не поцарапал, не испугал», «рос не горбатый, не кривой, не косолапый», «чтоб ручки и ножки прямыми были, не кривились»⁸. То есть в народе объясняли пеленание детей заботой об их физическом

здоровье. Охранительная роль этой традиции давно забылась, но она, конечно, присутствовала. Известно, что новорожденного, особенно до крещения, всячески защищали от злых духов, проделок домового, от сглазу и оговора. Младенцев переодевали в чужое платье, меняли их имена, избегали показывать посторонним и незнакомым людям, клали в колыбель щенка, котенка или куклу-заместителя⁹. Крепко свертывая ребенка в неподвижную пеленашку, его таким образом скрывали, «хоронили» от темных сил, обманывали нечистого. Скрученный по рукам и ногам, то ли жив, то ли мертв; то ли на этом свете, то ли на том — трудно понять. Кукольное тулово, плотно припеленутое к голове, говорит о связи с нижним миром, где живут предки. Белая свернутая фигурка, хранящая покой, была древним обрядовым знаком незыблемости, небытия, смерти. Вот почему у куклы

М. Дорожкина. Куклы «сосновые». 17–27 см, 1989 г., дер. Селище Мезенского р-на Архангельской обл.

Е. Орлова. Куклы. 1987 г., дер. Дворново Мышкинского р-на Ярославской обл.

отсутствуют руки и ноги. Когда же их стали изображать, то привязывали по бокам туловища отдельные палочки или пришивали снизу совсем короткие ножки, а руками служили рукава кукольной одежды или пустотелые лоскутные трубочки. Само туловище сохраняло целостную первичную форму — об этом свидетельствует кукольная традиция даже в XX веке. Куклу к подобию человека приближали очень осторожно, боясь нарушить ее самостоятельное бытие.

Интересно, что в названии своей игрушки мастера иногда фиксировали ее изобразительный реализм — такой факт тонко подметил писатель Андрей Синявский в одном из своих писем. «У Ольги Ивановны Коноваловой, старейшей дымковской мастерицы, одна разновидность игрушек называется: «куколки на ножках». Это уж такой термин — для фигурок, у которых, помимо прочего, изображаются ноги. Значит, куклке, в принципе, не обязательны ноги, и их видимое присутствие специально оговаривается. То просто куколка, а то куколка на ножках»¹⁰; — отмечено самое необычное, чего не было в игрушке ранее. Скорее всего, аналогии тому есть и в тряпичной кукле, просто исследователи упустили такие «частности».

М. Дорожкина. Кукла на сосновой палочке в одежде, изображающей праздничный костюм.

27 см, 1989 г., дер. Селище Мезенского р-на Архангельской обл.

Справа: женщины в праздничных народных костюмах. 1959 г., г. Мезень Архангельской обл.

Грудастая девка

Материализован в тряпичной кукле и средний земной мир Вселенной. Его натуральное воплощение — пышная кукольная грудь, которая всегда тщательно обозначалась. «Набьешь попышнее — и красиво, и ладно получается», «а грудь было дело особое, делали так, чтобы хорошо выдавалась, это уж не кукла — без титек», — вспоминают деревенские жительницы. Прикрепляя к кукле два туго набитых ровных шарика-комочка, перетягивая кукольную грудь косым крестом, мастерицы не вкладывали в это действие особого смысла. Руководствовались скорее общепринятыми понятиями о женской красоте. Однако именно такая подробность в тряпичной игрушке, как грудь, возведенная в незыблемый канон, — явный признак того, что куклу породило первичное обрядовое сознание, мифологическое мышление наших предков. «Грудастая девка» — живой пример почитания женского божества, материнского начала. «Сиськи ладили» из перекрученной ткани, набивали куделью, скатывали для них тряпичные шарики — способы были разные. Но все они схожи в том, что грудь куклы выделяли как важнейший формообразующий элемент. Место ее — между головой и туловищем, между «верхом» и «низом». Вот и «висят груди» совсем не там, где положено: распирают плечи, торчат под подбородком вместо шеи, лезут на лицо и сами размером чуть меньше головы. Они даже не всегда прикрыты одеждой, обнажены напоказ, демонстрируя женскую суть. «Выдающаяся» высокая грудь притянута, привязана, энергично перетянута крест-накрест льняной ниткой или красной вязкой. «Перекрещены» большие и малые куклы, тряпичные «закрутки» и щепные «крестушки», условные «столбушки» и натуральные «ляльки» с руками, ногами и «живым» лицом. Даже уподобясь человеку, кукла долго еще носила на груди магический косой крест — заклинание жизни и плодородия. Отголоски этой древней символики можно усмотреть и в перевязывании детей

теплой материнской косынкой крест-накрест, как принято в народе до сих пор.

Связь куклы с культом женского божества подтверждена и фольклорной традицией. Изучая русскую народную вышивку, этнограф Г.С. Маслова обнаружила, что антропоморфные женские фигурки в узорах назывались «куклами», «матрешками» (Тверская, Псковская, Новгородская губернии)¹¹. Исследователь отмечает позднее происхождение этой терминологии, заменившей забытые названия старых узоров. И тем не менее, это признак тождества между

*А. Щеникова. Кукла кудельная.
1995 г., дер. Мартыново
Мышкинского р-на
Ярославской обл.*

мифологическим образом женского божества и его воплощением в кукле.

В этом смысле тряпичные куклы близки глиняным «кормилкам» и «барыням» с обнаженной грудью, взаимосвязь которых с образом рождающей и кормящей Матери-земли давно отмечена исследователями народного искусства. Аналогично и традиционная тряпичная кукла связана с этими древними представлениями славян. Вот почему хранителями кукольной традиции всегда были женщины.

Русская
тряпичная
кукла. 19,5 см,
нач. XX в.
ХПМИ РАО

Вепсская кукла. 7 см, 2007 г.
Этноклуб «Параскева»,
г. Санкт-Петербург

Русская тряпичная кукла.
15 см, нач. XX в. ХПМИ РАО

Кукольные парочки

Женский образ был ведущим не только в обрядовой, но и в традиционной игровой кукле. Он очень близок фольклорному женскому образу. В песнях, сказках, в произведениях других жанров обычно эстетизированы «белое и круглое лицо», «коса русая с лентой алою», «полнота», «высокая грудь» и пышный наряд. Все эти элементы народной женской красоты выделены и в русской тряпичной кукле. А как же тогда выражена в ней идея мужского родоначалия? В народной свадебной традиции порой присутствовали кукольные парочки. Самодельные тряпичные фигурки, мужская и женская, или купленные в магазине куколки обоего пола украшали раньше свадебный хлеб. За столом невеста раздавала гостям куски «кулички», а куклы, одетые в красные лоскутки, берегла в сундуке или шкафу. Иногда их использовали и на другой свадьбе¹². Чаще же всего обрядовая свадебная кукла выступала самостоятельно, не нуждаясь в мужском обществе. На ярославских свадьбах кукла с косой, в платье из нового лоскута, увешанная бусами,

вместе с наряженной елочкой олицетворяла собою «девью красу». Их ставили на поднос для сбора денег и двигали по столу с приговором: «Раздайко-ся, народ, девья красота идет ко столу дубовому, ко ествам сахарным!»¹³.

Куклы-мужички были не характерны для традиционной игрушки. Они скорее исключение, нежели правило. Это подтверждает и анализ

Тряпичная
кукла-мужичок. 15,5 см,
нач. XX в.,
Архангельская
губ. ХПМИ РАО

3. Мухаметкужина. Башкирские куклы из набора «Семья». 1987 г., дер. Магадеево Бурзянского р-на, Башкирия

самой крупной коллекции народных кукол из Отдела этнографии русских Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге, проведенный С.В. Комаровой. Она установила, что из 850 различных кукол, собранных на территории России, начиная с 1902 года, лишь около 70 экспонатов представляют мужские образы. Значит, «на десять кукол, обладающих женскими признаками, приходится одна с соответствующими мужскими»¹⁴. Тем более на эти редкие экземпляры стоит обратить внимание.

Во время нашей экспедиции по Мордовии в 1993 году жительница села Подлесная Тавла Р.И. Чекайкина сделала кукольную «парочку». Мастерил куклы с равным старанием, а вышли они — «совсем не пара». И конструкция одна: набитый тряпками мешочек на ножках-палочках, и лоскутки на одежду положила схожие, и безрукие оба. А родство получилось дальнее. Мужичок и ростом не вышел, на тельце шупловат, и головкой маловат. Словом, «худой муженек» достался красивой дородной кукле. И «с лица» не сгодился. Смотрит на нас мужичок, как с наивного детского рисунка, где «точка, точка, запятая, минус, рожица кривая...» А у бабы лица почти нет, — признак того, что раньше оно и вовсе отсутствовало. На узкой полоске белой ткани обычной синей ручкой уместила мастерица все: прочеркнула рот, ловко провела одной непрерывной линией-треугольником брови и нос, пришила бусинки-глаза. Как видим, средства — новейшие, а изображение — архаичное. И заметьте, прием этот характерен именно для женского типажа. Значит, кукольный мужичок в игрушке не имеет той исторической глубины, откуда кукла вынесла свою мощную форму и значимый образ. Брак вышел неравным.

Судя по результатам экспедиций 1970–90-х годов,

Свадебная тряпичная кукла «Молодайка». 27 см, нач. XX в., Курская губ. ХПМИ РАО

Эту кукольную парочку (9,5 и 9 см) нашла во время фольклорно-этнографической экспедиции со студией «Матица» Майя Сысоева летом 2006 года. Куклы сделала 92-летняя П.В. Немина из села Воскресенское на Мусоре Череповецкого района Вологодской области. У «девки» не только грудь, но и голова привязаны к основе-столбику. Скорее всего, это один из древних архетипов тряпичной куклы, где в одной фигурке материализовано слияние двух начал — мужского и женского.

Фаллическая фигурка мужичка с привязанным островерхим мыском из сложенного квадратика белой ткани еще раз подтверждает первородность столбика как основы традиционной куклы.

в русской традиции тряпичных мужичков почти не делали. Деревенские старожилы из разных мест говорят одинаково: «Мужичков не делали, не принято было», «а если в свадьбу играли, брали вместо жениха простую палочку»... Не здесь ли ключик для ответа? Значит, для замещения мужичка достаточно было простой палочки, вот почему не сложился пластически его тряпичный образ. Не объясняется ли тогда самодостаточность куклы всей полнотой ее природы? А что если она содержит в себе и мужское начало, а не только женское, несет брачную символику?

Известно, что кукла в виде деревянной чурки использовалась в различных обрядах у многих народов. Фигурка из дерева, означающая фаллос, входила в свадебный набор предметов — так объясняют ученые археологические находки XI–XII вв. в Старой Руссе и Ленчице (Польша)¹⁵. На свадьбах новобрачным дарили и подбрасывали в постель куклу или полено, запеленутое в тряпки. Этот обычай повсеместно бытовал у русского населения Прикамья, вписываясь в общерусские традиции воспроизводства рода. В славянской традиции (у поляков, словаков, украинцев, белорусов и др.) широкое распространение имел обряд «колодка», служивший способом ритуального осуждения неженатой молодежи. Он входил в масленичные празднества, связанные с репродуктивной магией: оказать воздействие на плодородие земли и плодovitость женщины, стимулировать брачные отношения. Холостым парням привязывали к ноге «колодку» (полено), а «засидевшимся в девках» прицепляли к одежде или вешали на шею деревянную чурку или палочку — в наказание за безбрачие¹⁶. «Колодку» справляли и в России, в пограничных с Белоруссией и Украиной губерниях (Курской, Воронежской, Брянской, Калужской, на Смоленщине). И здесь деревянная «колодка» выступает символом плодородия, с нею совершались ритуальные эротические действия¹⁷. Можно привести и языковые свидетельства.

Грубые, но образные выражения: «ставить палку», «кинуть палку», употребляемые до сих пор, тоже помогают объяснить связь куклы-чурки с фаллической символикой.

В традиции тряпичной куклы палочку использовали в разных вариантах как формообразующий элемент. На нее наматывали тряпичное туловище, целиком закатывая внутрь. Ровную и прямую, «без сучка и задоринки» палочку (часто сосновую, сосна — культовое дерево) обтягивали белой тряпицей, прилаживая на нее грудь и наряд.

Е. Шалгинова. Хакасские тряпичные куклы. 26 и 24 см, 1988 г., улус Шалгинов Бейского р-на, Хакасия

Р. Чекайкина. Парочка.
28,5 см, 1993 г.,
с. Подлесная Тавла,
Мордовия

Гладкую, даже специально обработанную, палочку обматывали коротким туловом, из которого торчали голые концы деревяшки: голова и ноги. Как уже говорилось, в женский костюм одевали и простое полено или кругляк — получалась «столбушка». Наконец, туго скрученное тряпичное «туло» закрутки само походило на ствол, скалку, на древо — носитель жизненного начала. Деревянная твердь внутри мягкого грудастого тулова, «тайный уд» в кукольной утробе — знаковое соитие двойственного природного естества, мужского и женского. Такая кукла таила в себе родовую силу, несла идею продолжения рода, семьи.

Обереги и «чертовы куклы»

В народе куклам не давали имени собственного, как это водится в городской традиции. Табуирование кукольного имени связано с магическим пониманием слова как телесной материи. Озвучивание имени могло нарушить охраняемую целостность куклы: ведь ее мог назвать и чужой недоброжелательный голос. Имя уподобляло куклу человеку, конкретному лицу. Значит, с помощью нареченной куклы можно было нанести вред, воспользовавшись сходством имен для колдовства. Называя куклу по имени, можно было потревожить и дух кого-либо из покойных родственников. В целях защиты от злых сил, из предосторожности куклы и оставляли немыми, безымянными, а если и нарекали, то собирательно: ляльки, маньки, матрешки, цацки... Чаще всего их так и называли — «куклы», обособляя тем самым от других игрушек и потешек. К безымянной куколке обращались и в колыбельных песенках, и в сказках, и в детских считалках:

*Узелковые
куклы из носо-
вого платка.
Детские работы
(руководитель
Г.А. Дайн), 2006 г.,
г. Хотьково Мос-
ковской обл.*

Куколка, ты куколка!
Где ж ты, куколка, была?
Где ж ты, барынька, была?¹⁸

Все это тоже входит в символику традиционной куклы, помогает расшифровать ее ритуальный смысл.

Условный язык безликой безымянной фигурки позволял ей выполнять разные обрядовые роли. Кукла служила оберегом, охраняя ребенка от темных сил.

В 1971 году фольклорная экспедиция МГУ в Пинежском районе Архангельской области записала редкий вариант заговора, при исполнении которого в колыбель рядом с девочкой клали куклу:

Сонница-бессонница,
Не играй моим дитятком,
А играй этой куколкой...

Куколка при этом могла быть простой тряпичей, связанной узелком, а узел у русских до сих пор считается защитой от колдовства. Завязать узелок на память — значит, не забыть, сохранить в голове.

Магико-заклинательную роль куклы подтверждают и мифологические рассказы, записанные сибирскими учеными в 1960–1970-е годы¹⁹. В них говорится о домашних духах, которые появляются вместе с куклами, вселяя в людей страх.

В одном таком случае в доме невидимкой хозяйничала кикимора. Нагая девка с длинной косой в отсутствие хозяев ставила в печку чугульки, молола на жерновах («вреда-то не делает им, но опасно!»). Решили переехать в другое место, стали разбирать дом и нашли в матке — куклу! Матица (матка) — поперечная балка, на которой наслан потолок, — одна из ключевых в конструкции избы. С нею связаны разные обряды и приметы: матичное угощение плотников; сидеть под матицей — сватать невесту; подержаться за матицу, уходя из дому, — на счастье. Вот почему именно в матицу какой-

Г. Поверина. Кукла-покосница
(по технологии И. Агаевой). 36 см,
2002 г.

Вероятно, прежде подобная кукла
выполняла обереговую функцию.
Обкручивание кукольных ручек
нитью (чаще красной) должно было
защитить женские руки во
время покоса — отсюда и
название куклы.

то недоброжелатель и подложил хозяевам куклу, поселив вместе с нею кикимору.

Другой рассказ записан в селе Ломы Сретенского района Читинской области. Е.К. Кудрявцева говорит, как в одном доме после непочтительного обращения хозяев с нищим поселились Акулька с Дунькой. Кикиморы портили еду, подмешивая туда всякую дрянь, гоняли по ночам скотину. Долго с ними мучились. Позвали на молитву попа — не помогло. Весь народ перепугали кикиморы, «а самих-то не видно». Тогда отыскивали хозяева того нищего обиженного старичка, уговорили избавить их от напасти. Теперь деда «напоили, накормили, денег много дали», и тогда он вытащил из поленницы две куклы — это и были Акулька с Дунькой. Спрятанные в дровах, они имели связь с домашним очагом: не случайно кикиморы жили на печи, чем особенно устрашали хозяев. Таким образом, люди верили, что темная сила могла воплотиться в кукле, которая выполняла чью-то злую волю. Не зря до сих пор бытует бранное выражение «чертова

С. Сысоева. Свадебные куклы-неразлучники. 7 см, 2006 г., г. Каргополь

Парочка кукол делается из одного лоскута, как правило, красного цвета. По примеру И. Агаевой, которая первая начала делать такие куклы, мастера ловко связывают неразлучников одной ниткой, не прерывая процесса.

кукла» — женщина, ставшая игрушкой в руках нечистого. Буквально чертей с фигурками грешниц изображали чешские игрушечники из Пршибрама под влиянием проповедей на храмовых праздниках²⁰.

В многодетных крестьянских семьях воспитанием ребят чаще всего занимались старики. Именно бабушки, а то и прабабушки, ближе всего стоящие к предкам, делали для своих внуков тряпичные куклы. Таким способом сближали детей с сородичами, к которым обращались за помощью. Этнографы сообщают, что мордовские женщины, молясь о деторождении, закапывали куклу в землю, то есть отправляли свою просьбу к предкам. Связь с предками озвучена в названиях поморских кукол: панки, паньи, паночки. Г.И. Куликовский, составляя с 1885 года словарь наречий Олонецкой губер-

нии, обнаружил, что местные жители справляют общие поминки по «панам», отмечают «панов» день, а курганы и могилы называют «панскими» или «панками»²¹. А известный этнограф Г.С. Маслова сопоставляет с поморскими куклами-панками мотив «паньи», вышитый на полотенцах, участвующих в похоронных и поминальных обрядах²².

Неотъемлемую связь куклы с подземным миром, с царством мертвых уже давно заметили ученые-фольклористы В.Я. Пропп и Е.Н. Елеонская²³.

Помните, как в сказке «Василиса Прекрасная» мать, умирая, призвала к себе дочку, вынула из-под одеяла куклу, отдала ей и сказала: «Слушай, Василисушка! Помни и исполни последние мои слова. Я умираю и вместе с родительским благословением оставляю тебе вот эту куклу. Береги

А. Безбородова.
Куклы. 15 см,
1989 г., дер. Урлук
Красночикай-
ского р-на
Читинской обл.

ее всегда при себе и никому не показывай, а когда приключится тебе какое горе, дай ей поесть и спроси у нее совета. Покушает она — и скажет тебе, чем помочь несчастью». Затем мать поцеловала дочку и померла...» Так потом и помогала Василисе ее куколка советом и делом.

В других русских сказках тоже действуют куклки — волшебные помощники. «Князь Данила-Говорила», «Морской царь и Василиса Премудрая», «Царевна в подземном царстве», «Грязнавка» — во всех этих текстах кукла кого-то спасает, кому-то покровительствует, охраняет общественную мораль, нравственность. За это ее нужно кормить, как живое существо, беречь, почитать. Интересно, что чудесные куклки в сказках не просто разговаривают, а говорят голосом вещей кукушки-предсказательницы, связанной с душами умерших:

Куку, князь Данила!
Куку, Говорила!²⁴

Е. Коновалова. Узелковая кукла с лицом, нарисованным углем. 14 см, 2007 г. Реконструкция куклы из дер. Куриловская Устьянского р-на Архангельской обл.

Значит, сказочная куколка — посредник между живущими на земле и ушедшими в царство мертвых, в ней дух предка-опекуна, обращенный к потомкам.

Кукла. 19 см,
нач. XX в., Архангель-
ская губ. ХПИИ РАО

Кукольные игры

В быту русской деревни еще в первые десятилетия XX века лоскутная кукла была наиболее распространенной игрушкой. Даже в самых бедных крестьянских семьях, где детскими игрушками служили лапти, ложки, деревянные яйца, тряпичные куклы имелись обязательно. Житейское мнение, будто кукла была забавой только для девочек, ошибочно. В куклы играли все дети примерно до 7–8 лет, пока не имели различий в костюме. Но лишь мальчик облачался в порты, а девочка в юбку, их игры и игровые роли начинали строго различаться. С этого времени и до самого замужества игровые интересы девочки сужались вокруг куклы и все теснее переплетались с традиционным рукоделием. Покровительственное внимание взрослых к детским кукольным играм во многом объясняется связью этих игр с магическими действиями, с культом плодородия и материнского

начала. Еще долго в семьях сохранялись старые приметы, связанные с игрой в куклы. Если дети усердно мастерили «лялек» и подолгу возились с ними, то предсказывалось скорое появление в семье новорожденного, а небрежное обращение с куклами предвещало болезнь близких. Если дети хоронили куклы, бросали их в воду или закапывали, значит, предсказывали покойника в доме; если же представляли их князем и княгинею, то пророчили близкую свадьбу. В Святки старались прекратить кукольные игры. Это пограничное время, связанное с зимним солнцестоянием, считалось опасным. Куклы убирали и прятали — подальше от всякой нечисти с «того света». Этими ритуальными действиями защищали дом и потомство²⁵. Отношение детей к кукле до сих пор интерпретируется как знак судьбы: «не играет в куклы — детей не будет, плохая мать будет». Самое интересное, что эти народные приметы часто подтверждаются в жизни.

Повсеместно в наших экспедициях пожилые женщины рассказывали о бережном отношении взрослых и детей к куклам. Вспоминали, что игрушки никогда не оставляли на улице, не разбрасывали по избе, где попало. Их хра-

Куклы с сундучком. Нач. XX в.,
Архангельская губ. ХПМИ РАО

нили в специально отведенных корзинах, коробах, ящиках или даже в ларчиках «с запирающей и с чеканкой». Куклы часто сохраняли до замужества, брали с собой в приданое, а потом передавали по наследству своим детям. Этнографы-собиратели во время экспедиций даже в 1920–30-е годы отмечали, что дети не хотят отдавать их для музейной коллекции.

Маленьким детям куклы шили матери, бабушки, старшие сестры. При невероятной занятости они находили для этого время. Ребенка специально обучали традиционным приемам изготовления куклы, и лет с пяти простейшую тряпичную куклу могла сделать любая девочка. Каждая кукла-самоделка была индивидуальной интерпретацией традиционной игрушки, а часто и новым ее вариантом. В творчестве дети свободнее взрослых, и если безликая кукла мало устраивала, лицо пятали сажей, мазали углем, выводили чернилами, отмечали карандашом, вышивали нитками, клеили из конфетных оберток. Разные варианты вышивки кукольных лиц могут составить оригинальную коллекцию потешных портретов-типажей.

Старшие обучали, контролировали работу и оценивали успехи детей. Куклу рассматривали

как эталон рукоделия. По ней судили о мастерстве и вкусе хозяйки. Поэтому на «посиделки» вместе с прялкой часто брали и повозочку с куклами. Изготовление кукол и игры с ними всячески поощрялись. Считалось, что девочка, умеющая хорошо делать игрушки, будет хорошей матерью. В куклы дозволялось играть даже «молодухе», пришедшей после свадьбы в дом мужа.

Е. Дикова.
Каргопольский
мужичок. 2007 г.

Куклы с каталкой. 1930-е гг., г. Городец Горьковской обл. ХПМИ РАО

Кукла с вышитым
лицом. 1930-е гг.
ХПМИ РАО

Возок с куклами. Кон. XIX —
нач. XX в., Архангельская губ.

Внимание взрослых к кукле объяснялось не только таинственным ее значением, но также и необходимостью раннего трудового обучения. С малого возраста крестьянский ребенок сотрудничал со старшими членами семьи, а лет с семи-восьми труд становился основным занятием в его жизни. Общество было чрезвычайно заинтересовано в подготовке девочек к женским ремеслам, к ручному труду. Играя в куклы, дети непроизвольно учились кроить, вышивать, прясть, шить. Игра находилась в прямом отношении к деятельности будущего взрослого члена общества, сохраняя при этом и отжившие трудовые навыки. Так, в деревнях Рязанской губернии чуть более ста лет назад девочки пряли нитки для шитья кукольных нарядов из волокон крапивы, уже не употребляемой тогда на пряжу в крестьянском быту²⁶.

Полностью содержание куклы раскрывалось в игре. Получив игрушку от взрослых, ребенок имел своего рода задание для совершенно определенной деятельности. Это важный момент: кукла становилась не индивидуальной игрушкой, а средством общения, потребность в котором столь развита в деревенской среде. Все отношения, в том числе и семейные, носили в деревне публичный характер — рождение, свадьба, похороны. Коллективным было и искусство. Естественно, эту жизненно важную потребность в общении необходимо было передать ребенку. Тряпичная кукла этому активно способствовала, консолидируя детское сообщество.

Для кукольных игр дети объединялись в небольшие «партии». У каждой «девочки» была своя «коробейка» с куклами — прямо с ними и собирались, как на ритуал, на кукольные игры. Тут и разворачивалось коллективное игровое творчество: строили шалаши из прутьев и соломы, лепили посуду из глины, пряли нитки на кукольное приданое. В ход шли плоды, листья, цветы, камешки, черепки. Будто в зеркале, отражалась в этих детских играх бытовая и духовная жизнь деревни. Старые крестьянки помнят, как в детстве нянчили и пестовали свои тряпичные куклы, укладывая их в зыбку, пели им колыбельные песни, при «болезни», как матери, опрыскивали водой... Исполняли с ними все домашние работы: «девочки» пряли пряжу и ткали холсты, стряпали в печке, ходили в поле

Е. Николаева. Девочка с мишкой. 18 см, 2004 г.

Гармония формы — результат модульного подхода к формообразованию куклы. Она собрана только из квадратных лоскутков ткани, сшитых, набитых, свернутых и скрученных разными способами. Головка, перетянутая по шее, и туловище сделаны из одного цельного лоскута, рукава — из квадратов, сложенных по диагонали, ладошки с большим пальцем — тоже квадратики. Даже прическа сделана из квадрата ткани, нашитого верховым швом. Из отдельного квадратного лоскутика сшит игрушечный мишка.

жать, а «мальчики» рубили дрова, пахали, косили, пасли скотину...²⁷

Справляли со своими куклами все обряды и празднества: крестины, похороны, где, подражая взрослым, «кричали причитания» и «голосили». Чаще всего проигрывалась с куклами свадьба, в ней повторялись все основные традиционные драматические и комедийные сцены, игровые действия и обряды, сопровождаемые песнями.

Собиратели фольклора и этнографы неоднократно записывали полную свадебную игру девочек 8–10 лет²⁸. Сцена за сценой развертывались «сватовство», «налаживание к богомолью», «посиделки» с обрядом расплетания косы. Положив на колени куклу, девочка расплетала ей кудельную косу и голосила: «Не свет ли да рассветается...». После «посиделок» следовала «баня», а затем «девишник»: на кукле-невесте был красный ситцевый сарафан, на голове — повязка, волосы распущены, и все девочки пели хором: «Уж ты, Аксиньюшка...». После «венчания» «невесте» заплетали две косы и укладывали на голове «по-бабы», а затем устраивали кукольный «княжой стол» и «первую ночь» на лавке: «жениха кладут на невесту и закрывают шаями»...

Уже в детском коллективе среди участников игр выделялись наиболее способные исполнители, знатоки игровых традиций, лучшие кукольницы — их знали во всей деревне, а то и в целой округе. Из них вырастали талантливые мастерицы на все руки, подлинны хранители обрядового и песенного творчества.

Т. Городишенина. Кукла в зимнем наряде с младенцем. 40 см, 2006 г.

ТРЯПИЧНЫЕ КУКЛЫ ЗНАТНОГО РОДА

В тряпичной кукле всегда органично выражено ее происхождение. Условные традиционные доделки несут коренные черты породившей их крестьянской культуры. Кустарные человекоподобные куклы, сделанные на продажу, ориентированы уже на другую социальную среду: на городское простонародье, мещан и обывателей. Особняком стоят тряпичные куклы, которые предназначались для детей знати.

Как уже говорилось, куклы и их одежда обычно делались из остатков ткани, новой или ношенной. Сохранять лоскутки — признак доброй домовитости, благоразумной бережливости хозяйки. Стародавняя русская привычка беречь обрезки тканей происходит совсем не от бедности. Традиция эта типична не только для деревни, она до сих пор живет и в городе в семьях самого разного достатка. Но самое интересное, что этим занимались и в царских хоромах.

Известный русский историк Иван Егорович Забелин (1820–1908) в книге «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях» в главе «Царицыны наряды, уборы и одежда» пишет: «...Сохранность одежда и разных других предметов обнаруживала, с одной стороны, великую бережливость и, можно сказать, великое скопидомство, каким отличалось государево и особенно царицыно хозяйство до последних мелочей. Последний вершок ткани, остаток и обрезок сохранялся и шел в дело или в домовом обиходе, или в дар. В расходных царицыных записках часто встречаются отметки, что тому или другому ее родственнику или служащему лицу выдавались именно вершки тканей, золотники шелков и т. п.»²⁹

Из обрезков ткани для царских детей обоего пола шили лоскутные мячики, а «у царевен главнейшими и самыми привлекательными игрушками были куклы — игрушки мирного домашнего распорядка жизни с подробностями бытовых женских и, так сказать, семейных дел». Подтверждением тому служат Описи Царицыной казны 1630–40-х годов, выдержки из которых приводит И.Е. Забелин.

«1628 г. Дек. 18, когда царевне Ирине на исходе шел другой год, в ее хоромы было отпущено на подстилку под потехи и к лавкам на стирки 2 арш. сукна лазоревого. Эти потехи были куклы. Когда царевне исполнилось два с половиною года, в 1629 г. Окт. 12, к царице-матери в хоромы было отпущено 14 лоскутов отласов золотных да бархатных разными цветом, лоскуты камки червчатой, тафты лазоревой, шелку для шитья, а в тех лоскутах и в шолку деланы царевне потешные куклы. 19 Октября в добавок к упомянутому материалу отпущено 2 арш. киндяку червчатого да лазоревого, да к куклам же на подстилку 2 арш. сукна лазоревого. Остаток (3 вершка) отласу по лазоревой земле травы и опахала золоты — взяла к царевне Анне Мих. в хоромы княгиня Марья Пронская на куклы»³⁰.

Кто же шил рукодельные царские куклы? На этот вопрос тоже можно найти сведения в труде И.Е. Забелина. В Светличной палате работало более пятидесяти царицыных рукодельниц, мастериц и учениц шелкового и золотного шитья. В рукодельных работах своей светлицы участвовала и сама царица. «Она нередко по обещанию сама вышивала шелками, золотом и серебром и низала жемчугом и камнями какую-нибудь утварь в домовые свои церкви, в соборы или в монастыри к особо чтимым угодникам. Точно так же она сама работала и некоторые предметы из платья государю и детям, напр., ожерелья или воротники к сорочкам и кафтанам, как и самые сорочки, обыкновенно вышиваемые шелками и золотом, также ширинки или платки, полотенца и т. п. Детям у царицы в хоромах шились даже куклы, для чего отпускались оттуда нередко лоскутки и остатки разных дорогих и легких шелковых и золотых тканей»³¹.

Зачем шили рукодельные куклы в царских хоромах, если «детские игрушки и разные детские потехи» для царевичей и царевен уже тогда, в XVI–XVII веках, покупали в Потешном городском ряду и в лавках у иноземцев? Ответ и на этот вопрос можно найти у знатока русской старины И.Е. Забелина. Рукоделие «служило первым признаком хорошего воспитания и об-

разования в женском быту, лучшим украшением хозяйских добродетелей девицы и женщины». Как выглядели царские лоскутные куклы, если их шили те же мастерицы, что «своими руками устраивали различные церковные утвари»? Логично полагать, что по исполнению и художеству они были равноценны.

Сегодня в музейных коллекциях наберется с дюжину игрушек, позволяющих с большой долей уверенности судить о характере и облике высокородной лоскутной куклы.

В 1996 году на московской выставке «Реставрация музейных ценностей в России» экспонировались две куклы XVIII — начала XIX в. из музея-заповедника «Московский Кремль»³². Игрушки поступили в Оружейную палату 19 декабря 1852 года вместе с коллекцией академика Петербургской Академии наук М.П. Погодина. Погодинское собрание древностей было приобретено императором Николаем I и назначено «его величеством для хранения в Московской Оружейной палате». Среди памятников в разделе «Столовая и домашняя утварь» значились и две «куклы в старинных русских нарядах». Затем их поместили в детскую Дома бояр Романовых, где в 1859 году был открыт музей. Самое подробное описание кукол сделано в Описи Оружейной палаты 1884 года: «Куклы две

Куклы в русских костюмах из собрания П.И. Щукина. 22 и 32 см, кон. XVIII — нач. XIX в. Государственный Исторический музей

Тряпичная кукла XVIII в. из коллекции П.И. Щукина. Рисунок Н.Д. Бартрама, 1912 г.

детские, изображающие двух боярынь, одетых в костюмы прошлого столетия, в сарафанах и кокошниках, из которых один убран подцветочными под драгоценные камни стеклами. Меры вышины пять три четверти вершка»³³. К счастью, при всей уникальности кремлевские куклы оказались не одиноки. Аналогичные фигурки из ткани были и в собрании П.И. Щукина (1853–1912), известного промышленника и коллекционера³⁴. По размаху коллекционной деятельности его имя ставят в один ряд с именами П.М. и С.М. Третьяковых, С.Т. Морозова, С.И. Мамонтова. П.И. Щукин неутомимо собирал самые различные предметы старины, древнерусского быта и народного искусства, имеющие прежде всего историческую ценность.

Без его внимания не остались и игрушки. Их перечень тоже включен в «Опись старинных вещей собрания П.И. Щукина», составленную самим коллекционером в 1895–96 годах. Среди игрушек из фарфора, дерева, кости, серебра под № 22 числится «кукла из материи, в русском костюме, в шелковом желтом сарафане с голубыми продольными полосками, обшитом внизу серебряным с золотом позументом, с белыми кисейными рукавами, в малиновой бархатной душегрейке, обшитой золотым позументом; на голове высокий кокошник с серебряным с золотом позументом и серебряной синелью»³⁵. В 1905 году П.И. Щукин подарил свое собрание Историческому музею в Москве. Там и находятся теперь шукинские куклы конца XVIII — начала XIX века из Костромской губернии — так обозначены они в изданиях ГИМа³⁶.

Куклы в старинных русских нарядах. 29 и 26 см, XVIII — нач. XIX в. Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»

Кукла-царица в русском костюме. 31 см, кон. XVIII — нач. XIX в. ХПМИ РАО

Еще три похожие куклы в русских национальных костюмах хранятся в Художественно-педагогическом музее игрушки РАО (г. Сергиев Посад). Они поступили в 1920-е годы из хранилища Национального фонда, куда свозились ценные вещи из национализированных в революцию дворцов и особняков. Тогда тряпичная царица и две боярыни красовались среди игрушек «господствующих классов» России, не скрывая своего знатного происхождения. Вскоре «троица» была «репрессирована» и заключена в фонды.

Кукла в русском костюме. 33 см,
кон. XVIII — нач. XIX в. ХПИМИ РАО

Ручки с изящными пальчиками, скрученными из тонких тканевых трубочек, — характерная подробность конструкции и устойчивая традиция изготовления светской куклы в XVIII—XIX веках, а возможно, и ранее, в XVII столетии. Примечательно, что именно этот типичный элемент кукольной красоты заимствовали в XIX веке народные мастера кустарной куклы, выполняя ладошки с пальчиками-трубочками, свернутыми уже не из ткани, а из бумаги. Старинный прием успешно используют и современные художники-кукольники.

После многолетней консервации и переездов музея две куклы уцелели, и в 1970-е годы их снова увидели зрители.

Еще одна кукла того же семейства оказалась в Ярославле в Историко-художественном музее-заповеднике. Она попала туда в 1971 году из г. Пошехонье-Володарска. Ранее утонченная красавица принадлежала сестрам Щербакowym, близким родственникам Ганшиных, известных купцов и владельцев ткацкого производства из г. Юрьева-Польского.

Куклы из разных музейных коллекций похожи, как близкие родственники. Все одинаковой формы и конструкции, почти равновелики: 26–33 сантиметра — около 7 вершков, как раз в две ладони. Мягкие неплотно набитые фигурки, сшитые из тонкого льняного полотна, с подвижными ножками и ручками удивительно приятно держать в руках, ощущая богатейший фактурный набор старинных тканей и отделок. Куколки наряжены в праздничные женские костюмы. Это подробная имитация традиционной одежды, какую носили в XVIII веке боярыни, знатные горожанки, придворные особы или даже сама царица. Набивные и шелковые сарафаны отделаны золотным галуном и узорной тесьмой, рукава рубах из тончайшего льняного батиста украшены тюлевыми оборками и шелковыми бантами, душегреи собраны на спине в сборки-фанты по всем правилам. Кокошники, как настоящие, расшиты цветными стеклами, «сажены жемчугом и деланы канителью» — каждая деталь исполнена с невероятным тщанием и основательностью. Изощренная ювелирная работа! Ее нельзя нарушить: пленительная кукольная одежка не снимается, она и есть сама кукла. Только в этом тряпичные игрушки и схожи с народной крестьянской куклой, цельной по форме и образу. В остальном у них разный культурный статус.

Эти куколки не устаешь рассматривать. В ушах — сережки из трунцала, на шее — ряды стеклянных бус, на руках с пальчиками из тряпичных трубочек — кольца и браслеты из канители, на одежде — крохотные пуговицы из цветного стекла, на ножках — туфельки из набивной ткани с цветочным узором... Изыскан-

ную кукольную гармонию замыкают ручки, трогательно сложенные под грудью и держащие ширинку — декоративный платочек. Изящные украшения превращают куколку в драгоценность. Ее костюмированная красота застыла в картинной позе, как на портретах XVIII века. Вероятно, мы уже не узнаем имен тех, кто работал над куклами с таким неподражаемым мастерством и художественным вкусом. Скорее всего, игрушки исполнены в рукодельных мастерских «именитых» людей профессиональными мастерицами художественного шитья. Тщедушное безгрудое кукольное тельце, скрытое под одеждой, деликатный колорит с тонкими красочными грациями и сама манера изображения кукольного лица: вышивка глаз с круглым обводом, гладкий застил волос, рисунок бровей черной шелковой нитью, сжатые стежками роты — красноречиво говорят о связи с традицией древнерусского художественного шитья. И с культурной родовой традицией — тоже!

Обратим внимание на то, что большинство тряпичных кукол одеты в старинные костюмы Костромской губернии. Именно там еще в XVII веке боярыни носили высокие островерхие головные уборы, так называемые кики или наклоны. И оттуда же с костромской земли из местных бояр вышел царский род Романовых. Разве не эту родовую память несли и передавали потомкам изысканные рукодельные куклы? Они вполне могли принадлежать и самим царевнам дома Романовых. И об этом есть музейная легенда...

Одна чудесная тряпичная куколка из той же «костромской серии» находилась в Санкт-Петербурге в Музее Императорского общества поощрения художеств, основанном в 1870 году. Музей имел «образцы почти всех художественно-промышленных производств, начиная с иконописи». К таким образцам относилась и кукла, пожертвованная графом Г.С. Строгановым. Она экспонировалась в «шкапу № 17» среди русских головных уборов рядом с костромскими островерхими кокошниками. Кукольную головку венчала такая же великолепно убранная костромская кика. Еще интереснее аннотация к игрушке в музейном каталоге: «21. Кукла, изображающая боярыню в костромской

национальной одежде XVIII ст. Есть предположение, что предмет этот служил игрушкой в детстве императрице Елизавете Петровне³⁷. И далее из этого следует, что по году рождения императрицы (1709) куколку можно датировать 10–20-ми годами XVIII столетия. Эта красивейшая царская игрушка была опубликована в 1901 году в XI выпуске издания «Образцы декоративного и прикладного искусства из императорских дворцов, церквей и коллекций в России». Прекрасный акварельный рисунок с куклы выполнила петербургская художница Е.Б. Барсукова, выпускница Академии Художеств³⁸. Тряпичная куколка встала в один ряд с другими произведениями декоративно-го и прикладного искусства — впервые в историографии русской куклы!

Кукла в русском костюме. 33 см, кон. XVIII — нач. XIX в. Ярославский историко-художественный музей-заповедник

Кукла «императрицы Елизаветы Петровны». XVIII в. Акварель Е.Б. Барсуковой, 1901 г.

КУКОЛЬНЫХ ДЕЛ МАСТЕРА

География современной тряпичной куклы обширна необычайно. Куклами занимаются в Москве и Санкт-Петербурге, в Архангельске, Петрозаводске и Кирове, в Ижевске и Саранске, в Рязани, в Череповце, Угличе и Ярославле, в Нижнем Новгороде, Екатеринбурге и Липецке, Челябинске и Иркутске, в подмосковных Сергиевом Посаде, Хотькове, Мытищах, Пушкине, Лыткарине. Сегодня труднее назвать город, где о тряпичной кукле не знают ничего. Появился даже новый предмет — кукловедение.

Соборную роль в развитии кукольного дела играет Москва. С начала 90-х годов в Центральном доме художника, во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства, в Государственном Российском доме народного творчества проходят выставки-ярмарки кукол, проводятся творческие встречи с авторами и мастер-классы. Сюда собираются кукольники со всей страны для обмена опытом. Эта практика помогает им укрепить старые и завоевать новые позиции. С 1990-х годов кукольникам стали присваивать звание народного мастера России, начали принимать в члены Союза художников РФ. Тряпичная кукла получила признание как предмет декоративно-прикладного искусства.

Одним из крупнейших центров изучения народной и создания авторской куклы является Санкт-Петербург. Более 15 лет существует этно клуб «Параскева». Он носит символическое название. Святая Параскева-Пятница почиталась как покровительница материнства, семьи и женских ремесел. Деятельность клуба направлена на изучение традиционной культуры и прежде всего текстильной школы, хранительницей которой является женщина. С 2000 года занимается педагогической, этнографической и искусствоведческой проблематикой народной куклы Марина Мишина, постоянный участник и лауреат Всероссийских фольклорных фестивалей и выставок. Она имеет мастерскую, где обучает технике и технологии народной текстильной куклы.

В кукольную орбиту включаются все новые люди и организации. С 2003 года Московский выставочный зал «Галерея XXI век» проводит ежегодные фестивали текстильной куклы. Здесь работает студия «Лоскутная пластика» с мастерской Татьяны Басовой.

Все это свидетельствует о растущем интересе к традиционной кукле, к способам ее изготовления. Вместе с тем сегодняшняя кукольная практика вызывает немало вопросов. Следует отметить, что современные мастерицы подчас чрезмерно увлечены магией куклы, ее обрядовой ритуальной функцией, давно утраченной в быту. Многие даже составили кукольный народный календарь и пользуются им. На уборку урожая делают куклу-жницу, на Покров — «рябинку», на Святки — «коляду», на Крещение — «крестушку», к Пасхе мастерят «праздничную» куклу, к Егорию Вешнему — «пастушка», на весенний посев — «плодородие», к Троице — «Семика» и «Семичиху»... Все эти куклы имеют разное географическое происхождение и порой другое значение. Используемые как праздничные сувениры, они образуют красивую, но этнографически недостоверную мозаику, рекламную лоскутную картинку, далекую от подлинной народной жизни.

Что же делать? Как избежать фальсификаций? Ответ есть. Нужно различать сделанные старожилками традиционные подлинники, место которым в музее, их реконструкции и, наконец, авторское творчество на основе народной традиции. Нужно иметь чувство ответственности, принимаясь самостоятельно за сбор этнографического материала, и не настаивать на научности своих поисков и находок. Этнография — историческая наука, требующая профессионализма и чутя. Дилетантство и самодеятельность, случайность найденных изделий со временем станут очевидны. Разумнее не давать повода для их переоценки.

Пропандировать же народную куклу — дело плодотворное. Освоение традиционных технологий служит интенсивным стимулом для развития творчества. Перерастет ли усвоенное ремесло в искусство текстильной пластики или дизайн, превратится ли традиционная кукла в актуальный художественный образ — это всегда зависит от личности автора, его таланта. При всей сложности сохранения этнографической подлинности изделий, при всех недостатках в их художественном качестве живой интерес к старинной кукле несет сегодня позитивный культурный компонент.

Ирина Агаева, музейный работник из Тулы, в экспедициях по деревням и селам Тульской области обнаружила больше десятка типов тряпичных кукол, игровых и обрядовых. А всего она собрала более 70 вариантов тряпичных кукол разных конструкций из северных, центральных и южных областей России. И. Агаева не только собирает, изучает куклы, но и делает их сама. Тряпичная кукла стала ее творческой профессией, и в 1996 году она получила звание народного мастера России. «Куватка», «покосница», «барыня», «младенчик», «малышок-голышок», «неразлучники» — все фигурки несшивные. Целостность их конструкции обеспечивается свертыванием ткани и связыванием деталей нитками. Ирина сама отработала процессы изготовления кукол и показывает их на мастер-классах. Куклы-куватки И. Агаева нашла в Тепло-Огаревском районе Тульской области. Их делали по несколько штук из однотонной ткани разных цветов и развешивали возле детской колыбели. Количество фигурок, как правило, было нечетным. Интересно, что обе стороны куклы — лицевые. Для детей более старшего возраста сворачивали куклу-барыню.

1

2

3

4

5

Куклы-куватки. 10 см, 2007 г.
Детские работы (руководитель
Г. Дайн, по технологии И. Агаевой)

На с. 51: М. Сысоева.
Кукла на столбике
«Крестьянка».
28 см, 1995 г.

Для изготовления куклы-куватки берут два прямоугольных лоскута однотонной ткани (1). Большой лоскут посередине перекручивают жгутом (2). Жгут сгибают петелькой и перевязывают ниткой. Получилась голова куклы (3). Меньший лоскут тоже скатывают жгутом и перевязывают нитками по краям и в середине. Это руки куклы (4). Руки-трубочку помещают между концами лоскута под головой куклы и перевязывают фигурку в поясе. В петельку-голову продевают нитку для подвешивания (5). Куватки разного цвета можно подвесить целой гроздью.

И. Агаева. Тульская колыбельная.
18 см, 2006 г.

«Тульская колыбельная» — это кукла на палочке. На верхний ее конец намотана ветошь, которая затем покрывается квадратным лоскутом белой ткани и перевязывается по шейке. Из оставшейся сзади и спереди ткани свернуты и перевязаны руки-рукава. Потом (из той же ткани) к палочке привязывается кофта — по месту груди. Юбка с оборками собрана из трех разноцветных лоскутов ткани, наложенных друг на друга. Вверху они подогнуты, присборены и привязаны к поясу вместе с узелком, куда насыпана сухая душистая трава. Нижний конец палочки втыкали в щель или другое отверстие в колыбели, чтобы кукла стояла, радуя глаз малыша. Куклу-барыню И. Агаева делает так. Сворачивает туловище куклы и, обернув его белой тканью, перевязывает.

И. Агаева. Колыбельная подвеска из узелков. 2006 г.

Связанные друг с другом одной ниткой, большие и малые узелки — замечательный вариант колыбельной игрушки.

зывает в трех местах нитками (1–2). Длинным прямоугольным лоскутом белой ткани покрывает верхнюю часть и перевязывает головку куклы (3). Висящие по сторонам туловища концы лоскута разрезает на три ленты и заплетает косичкой (4, 5). Косички сгибает крендельком и привязывает к туловищу — кукла приняла типичную женскую позу, подбоченилась (6). Нижнюю часть куклы нужно обернуть «юбкой», привязать фартук и повязать косынку (7). Простейшая игровая кукла готова.

Смелость обращения с любой материей покоряет учеников, завораживает зрителей. У «Сударушки» рукава ловко запакованы «конфеткой». «Красота» — свадебная кукла Тульской губернии. Это традиционная скрутка, сделанная без шитья иголкой, локтевая (от слова «локоть» — древнерусская мера длины, 38–46 см), с тряпичной косой, привязанной сзади к девичьей повязке. Грудь сделана из ткани, перекрученной спереди и завязанной узлом сзади. Узлы скрыты под бантом на голове и юбкой, насборенной выше пояса.

И. Агаева. Тульская барыня. 37 см, 2006 г.

1

2

3

4

5

6

7

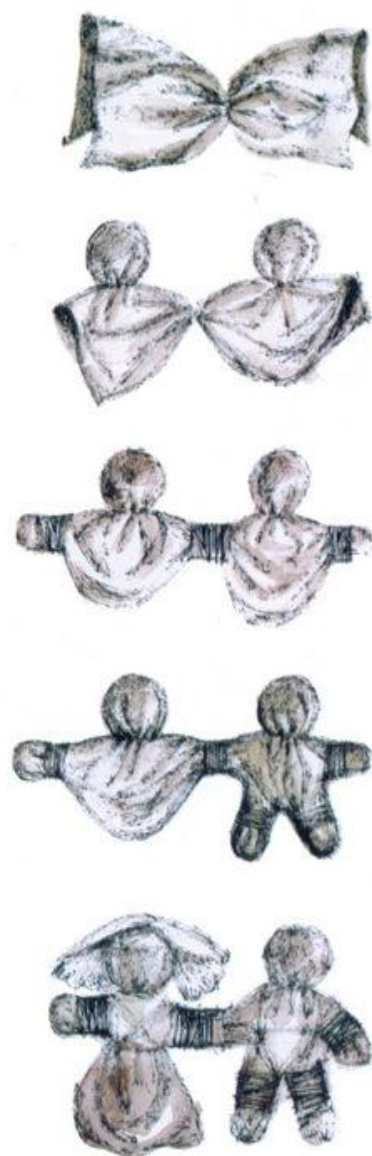
И. Агаева. Свадебные куклы-неразлучники. 7 см, 2006 г.

Прямоугольный лоскут ткани перегибают пополам по горизонтали и перевязывают посередине нитками. По обе стороны от перевязки подкладывают с изнанки ветошь и выделяют две кукольные головки. Края ткани и место перевязки обматывают нитками, образуя руки кукол. Кукле-невесте перевязывают грудь крест-накрест, а кукле-женеху перематывают нитками и ножки.

И. Агаева. Сударушка. 34 см, 2006 г.

Кукла-закрутка, бесшитьевая, локтевая. Оригинальный элемент конструкции — длинные руки-рукава, свернутые «конфеткой». Внутри рукава вложен перекрученный лоскуток плотной ткани, что придает руке форму валика. Рукава примотаны поверх платья вместе с фартуком. Торчащие вверх концы рукавов по обе стороны головы создают декоративный эффект, делают куклу узнаваемой: это образ энергичной длиннорукой помощницы.

Многие куклы несут узелочки, а «Кубышка-травница» — сама узелок. Эта оригинальная по конструкции кукла связана из шести узелков, набитых сухими душистыми травами. На большой узелок, напоминающий неваляшку, привязан узелок-головка. Из концов белого лоскута, обтягивающего головку, свернуты ручки-жгутики, к которым привязано по узелку с травами. Еще два образуют грудь, привязанную к шее. Передник и платок — одежда куклы-травницы.

И. Агаева по-разному варьирует в кукле типичный для народной игрушки сюжет — мать и дитя. Одна из кукол несет за спиной двух младенцев, у другой куколочки-жгутики привязаны по бокам, у третьей висят на поясе шесть младенцев. Заметим, что традиционной кукле-закрутке, представляющей наиболее ранний архетип, младенец был не нужен. Чем конкретнее становилась игрушка, тем чаще изображался в ней сюжет материнства. Поэтому тряпичные «мамки», «няньки», «кормилицы», «ведучки» выглядят так естественно. Среди народных кукол мы не найдем ни одной сентиментальной композиции. Материнство даже в тряпичной игрушке преподнесено достойно, строго. И. Агаева поддерживает эту традицию.

Мастерица свободно владеет технологией изготовления традиционной тряпичной куклы, но привносит и собственную фантазию. В этнографическую достоверность многих композици-

И. Агаева. Свадебная кукла «Красота». 34 см, 2006 г.

И. Агаева. Кукла-колокольчик. 12 см, 2006 г.

Кукла сделана из трех разноцветных лоскутов-кругов, наложенных друг на друга. Подложенный с изнанки в середину большого круга комочек ветоши перевязывают по шее, образуя головку и пышные юбки. Затем прямоугольным лоскутом белой ткани покрывают и перевязывают головку. Из оставшейся по бокам ткани складывают рукава-жгутики, перевязанные и образующие на концах манжеты или кулачки. Платок завершает колоритный образ танцующей бабы или девочки-колокольчика.

онных кукол Агаевой, начиная с их названий («Плодородие», «Дочки-матери», «Берегиня сна» и др.), специалист не поверит — в них слишком много импровизации. Но талантливая авторская разработка и не нуждается в этнографическом обосновании. Наглядный пример — вариант куклы-зернушки «Хлебный человек» из тряпичных жгутиков. В этой доброй, забавной и остроумной игрушке отражена смысловая и поэтическая красота русской сказки.

И. Агаева. Кукла-полено с младенцем. 24 см, 2004 г.

И. Агаева. Хлебный человек. 22 см, 2006 г.

Фигурка сделана в бесшитьевой технике «жгутик», подобно «неразлучникам». Шапка также выполнена без иглы. (Прямоугольник ткани, сложенный лицевой стороной внутрь втрое, прочно завязан сверху ниткой, а затем вывернут.) Шапка примотана к голове, нитка скрыта отворотом. Мешок шит и вывернут, засыпан зерном и крепко перевязан по горловине. Благодаря весоному наполнению игрушка устойчива. К рукам человека привязаны маленькие узелки с зерном, ноги не достают до земли, обе руки заняты — остается сидеть на мешке.

И. Агаева. Кубышка-травница. 18 см, 2006 г.

Валентина Булыгина, известный художник-керамист из Хотькова, в конце 1990-х годов занялась лоскутным шитьем. И сразу ее работы получили признание. На это популярное искусство вывела Булыгину вовсе не мода, а вышивка, которой художница увлекалась с раннего детства.

Яркие вышивки, сделанные без предварительных эскизов цветным мулине, давно украшают ее платья, одежду детей, их сумочки и рюкзачки, изумляя окружающих оригинальностью.

Но вещи изнашиваются, а вышивки от времени становятся только красивее. Выбросить рука не поднимается.

И художница стала переносить их на другие изделия, мастерски вписывая старое «клеймо» вышивки в новую текстильную фактуру. Так рождаются лоскутные произведения: как бы между прочим, между делом — отсюда их живое воздействие на зрителя.

Великолепный образец лоскутной пластики — куклы Валентины Булыгиной. Это серия художественных типов-образов. В них все условно, начиная с простейшего способа изготовления. Плоские фигурки, вырезанные из поролона, служат основой для обшивки куклы. Сложенная вдвое ткань с изнанки прошита или прострочена по силуэту вместе с поролоном, а затем вывернута с помощью хирургических зажимов.

Причем оболочка, состроченная из разных лоскутков, является одновременно и кукольным костюмом. Художник заставляет своих человечков позировать перед зрителем, «представляться». Мягкие, податливые фигурки можно сгибать и складывать, придавая им разные позы, жесты, в них остроумно заложена способность к перевоплощению, свойственная театральной кукле. В любой момент упругая поролоновая «набивка» возвратит их в прежнее положение.

В. Булыгина. Сумочка с куклой.
25х27 см, 1999 г.

В. Булыгина. Молодая с ридикюлем.
32 см, 2003 г.

В. Булыгина. Кукла для внучки Маши. 25 см, 1995 г.

С этой игровой куклы началось кукольное творчество В. Булыгиной. Кукла удобна в игре, она хорошо сидит и красива в любой позе. Секрет ее привлекательности — в гармонии образа, созданного талантливым художником.

У каждой куклы — характерная одежда и атрибутика, типичное лицо. К примеру, художница создала авторский и в то же время фольклорный образ русского мужика-хвастуна. Герой мелковат и тщедушен, не вышел ростом и телом, а рыбу поймал «вот такой ширины», не обхватишь. Раскинутые в стороны руки с большими ладонями-лопатками усиливают веселый характер персонажа, мастера прихвастнуть и приврать, вызывая улыбку у зрителя.

Нельзя не улыбнуться, глядя на тряпичную «Подгулявшую даму». Она вырядилась, а шляпа с розами

В. Булыгина. Подгулявшая дама.
30 см, 2000 г.

В. Булыгина. Мужик-хвастун.
34 см, 2002 г.

и бантами едва держится на взбитой прическе. В расширенных глазах прыгают чертики, они совсем сошлись к носу. За плечами «Странника» — котомка, голова чуть набок. Кажется, фигурка семенит в сапожках, серых от дорожной пыли. А как необычна вышивка лица! В ней размашистый почерк опытного художника. Крупные желтые стежки-штрихи рисуют волосы, выбивающиеся из-под шапки, и рыжую стелящуюся бороду. Васильковые кукольные глаза пронзительно синеют каплями кобальта — образ русского «очарованного странника» в маленькой лоскутной кукле.

В. Булыгина. Старообрядка.
29 см, 2001 г.

В. Булыгина. Странник. 28 см,
1999 г.

Валентина Давыдова, художник-преподаватель, мастер по кукле из Санкт-Петербурга, в 1993 году начала делать куклы в этноклубе «Параскева», где с особым интересом изучала и копировала подлинные образцы из собрания Российского этнографического музея.

Художница делает разные куклы, варьируя традиционные образы и конструкции. Осознанная близость к традиции — черта ее творчества. Благодаря этому В. Давыдова и смогла создать в кукле индивидуальный стиль.

Особенно удаются Валентине куклы-перевертыши. Это кукла с сюрпризом. С одного конца — веселая молодуха в ярком наряде, а перевернешь — и в миг, как в сказке, обернется красавица старушкой. «Это о быстром течении времени», — поясняет Валентина.

В основе куклы палочка, обмотанная мягкой тканью или ватином, — так формирует автор традиционный столбик. Затем тщательно подбирает ткани, отрабатывает каждую деталь. Для лица старухи художница берет суровый небеленый холст, на одежду — темные ткани скромной «старушечьей» расцветки. Закутанная в платки и шаль, старуха едва видит свет точечками глаз. Иногда она держит в руках узелок, что подчеркивает образ сиротливой старости. Контрастом выглядит молодуха. В лице — румянец во всю щеку (он просвечивает сквозь ткань — очень редкий прием). Глаза куклы «стреляют» крестиками во все стороны, а красный ротик треугольничком открыт для разговора. В кукле нет ничего лишнего и случайного.

В. Давыдова. Пасхальные куклы
(по авторской разработке А. Бобок). 7–8 см, 2000 г.

В. Давыдова. Кукла-перевертыш.
25 см, 2006 г.

Автор создала остроумный вариант распространенной народной фигурки-перевертыша «Старуха-молодуха». При изготовлении такой куклы используют принцип механических игрушек-перекидалок из дерева, папье-маше и ткани, которые выпускали русские кустари во второй половине XIX века. Тщательный подбор тканей и мастерское исполнение деталей подчеркивают художественный контраст образов.

В. Давыдова. Мужик. 25 см, 1994 г.
Эта фигурка — реконструкция подлинной куклы Архангельской губернии, хранящейся в Российском этнографическом музее (г. Санкт-Петербург).

В. Давыдова. Мокридина. 16 см, 1994 г.
Реконструкция куклы из коллекции Этноклуба «Параскева» (г. Санкт-Петербург). Лицо куклы из ткани в крапинку говорит об ее обрядовом назначении — вызывать дождь, отсюда и название.

В. Давыдова. Русская парочка. 34 см, 2005 г.

Куклы отличаются индивидуальным характером. Фигурки не имеют шеи, сохраняя традиционную цельность «тулова». Художница деликатно «рисует» кукольные лица, и в этом сочетании тонкой графики и объемной столбообразной формы узнается авторский художественный почерк.

Елена Дикова, художница из Каргополя Архангельской области, член Союза художников России, широко известна как мастер традиционной народной куклы. Это одно из направлений ее творчества, которое охватывает живопись, графику, сценографию, батик, лоскутное шитье. В произведениях Е. Диковой соединились умение народного мастера, широта взгляда профессионального художника на наследие традиционной культуры и импровизационный талант. Авторская коллекция, где более 200 кукол, экспонировалась в Москве и Санкт-Петербурге, в других городах России, побывала даже на Аляске, в городе Ситка. Куклы Е. Диковой говорят о народной культуре Русского Севера. Она охотно делится своим опытом, проводя мастер-классы, преподает в Детской школе искусств Каргополя.

Для шитья куклы-скалки понадобятся лоскутки белой и цветной узорной ткани, вата, пакля или кудель, нитки, ленты, тесьма, пуговицы, бусинки или бисер. Берут прямоугольный кусок ткани (бязь или ситец) шириной в две ладони, кладут с краю валик из ваты или пакли и аккуратно закатывают его в ткань. Получится скалка — основа туловища. Концы трубочки стягивают и сшивают белыми нитками, долевой край ткани зашивают мелкими аккуратными стежками.

Отмерив третью часть скалки — голову, перетягивают кукольную шею прочной нитью или шпагатом. Так же перетягивают талию.

Е. Дикова. Каргополка. 30 см, 2004 г.

Е. Дикова. Балалаечник и женка с младенцем. 2004 г.

Руки делают так: завернув вату в прямоугольный лоскуток белой ткани, сворачивают плотную трубочку, зашивают ее с концов и вдоль, подвернув срез ткани внутрь. Руки привязывают к туловищу прочной ниткой или шпагатом крест-накрест — такой кукле не нужно делать грудь, она уже получилась. Если делать куклу с ногами, нужно сшить еще две подобные трубочки и пришить к туловищу. К макушке пришивают волосы из кудели или толстых шерстяных ниток и заплетают косу с шелковой лентой.

Кукольное лицо можно вышить цветными нитками мулине или ирисом. Нос формируют, зашивая ткань и прошивая небольшой вертикальный шов мелкими стежками. Снизу шов завершают узелками, обозначающими ноздри. Вышивают дугообразные брови, вместо глаз сажают два узелка. Красной нитью отмечают рот — или «улыбочкой», или прямой линией, которая придает лицу выражение строгости.

Костюм состоит из трех деталей: белой рубахи прямого покроя, сарафана и фартука. Рукава рубахи, подол сарафана, край фартука можно отделать вышивкой, тесьмой или лентами. Куклу украсят бусы и сережки — их собирают из бисера или мелких стеклянных бус.

Е. Дикова. Старик и купчиха.
35 см, 1990 г.

Е. Дикова. Композиция «Каргопольская свадьба». 2002 г.

В одежде кукол-ляпачих художница использует народную технику каргопольской ляпачихи — пестрого одеяла с ляпаками (так в местном говоре называют маленький цветной лоскуток). Из ляпаков и ляпачков сшиты многие ее куклы для музейных выставок: «Каргопольская свадьба», «Троицкая ярмарка», «Кукольный дом». Основой служит мешковина. На нее рядами нашиваются лоскутки: для маленькой куклы — шириной до 0,5 см, для высокой фигурки — соответственно большего размера. При нашивании ляпаки чуть присборивают для пышности. Готовую лоскутную заготовку-коврик пришивают к кукле. Такая одежда хорошо подходит куклам-ряженым: персонажам новогодних, святочных или масленичных обрядов.

Куклы-синильщики (набойщики, красильщики) отличаются одеждой, сшитой из ручной набивной ткани. Автор использует забытый способ орнаментации и крашения.

Е. Дикова.
Мужичок в валенках (из композиции «Тетерочный день»).
33 см, 2006 г.

Е. Дикова.
Модница.
45 см, 2006 г.

Е. Дикова. Девушка с совкой
(из композиции «Тетерочный
день»). 21 см, 2006 г.

«Тетерочный день» — композиция на тему местного праздника «сорокосвятых». Его отмечают во время весеннего равноденствия 22 марта, в день Сорока Мучеников Севастийских — на Сороки. К празднику выпекают из теста особое витое печенье — «тетерки». В его узорах повторяют изображения солнца, растений и птиц — вестников весны. Отсюда обрядовое печенье и сам праздник получили в народе «птичье» название.

Е. Дикова сшила птичек из квадратных лоскутов, согнутых по диагонали. Лаконичное решение дает возможность варьировать форму и силуэт набивных птичек.

Е. Дикова. Девушка с тетеркой
(из композиции «Тетерочный
день»). 30 см, 2006 г.

Е. Дикова. Материнство.
2006 г.

Синяя кубовая набойка характерна для одного из видов народного текстиля XIX века. Мелкий узор на холсте раньше печатали (набивали) с помощью резных набоечных досок с медными или латунными вставками. Постукивая по доске киянкой, мастер наносил на ткань резерв (горячую смесь смолы с воском), защищая узор от окраски при окунании ткани в синий кубовый краситель — индиго. Окрашенную ткань полоскали сначала в горячей, а потом в холодной воде. В результате на темно-синем фоне оставался белый узор.

Елена Дикова использует резерв со сложным химическим составом, технологию которого разработали во Владимирской областной школе «Народный костюм» под руководством Г.А. Федоровой. Куклы-синильщики Е. Диковой — авторский вклад в сохранение традиции русской народной набойки.

Е. Дикова. Набойщица. 47,5 см, 2006 г. ГРАНТ

Внизу: Е. Дикова. Снарядиха-ляпчиха. 35 см, 2005 г.

Е. Дикова. Красильщик. 47,5 см, 2006 г. ГРДНТ

Графареты Е. Диковой для печати узоров на ткани

Е. Дикова. Нянюшка.
17 см, 2005 г.

Анна Дмитриева — профессиональный художник-кукольник. Закончив в 1975 году Загорский художественно-промышленный техникум игрушки, она начала конструировать одежду для игровых кукол, выпускаемых местной фабрикой. В поисках новых разработок обратилась к старому артельному ассортименту и коллекции Музея игрушки. Разнообразие сергиевских «этнографических» кукол дает художнице живой импульс для творчества, ее вдохновляют также подлинные националь-

А. Дмитриева. Кукла в костюме Рязанской губернии.
50 см, 1997 г.

А. Дмитриева. Кукла «Малена» в костюме Вологодской губернии. 50 см, 2005 г.

Образцом для моделирования кукольной одежды послужил костюм новобранной 1870—1880-х годов Сольвычегодского уезда из собрания Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника. Стилизация подлинника — не простая задача. Имитируя крой, детали, ткани и отделку, автор создает кукольный вариант костюма. Он сразу узнается по традиционному сочетанию красного с белым, по нарядному переднику-нагруднику и наплечной косынке с оборкой из яркого красного ситца.

ные костюмы из музейных собраний. По инициативе А. Дмитриевой, главного художника ЗАО «Художественные изделия и игрушки» (так теперь называется это старейшее предприятие, основанное в 1913 году), в Сергиевом Посаде возродилось фольклорное направление в моделировании кукольной одежды. Сейчас куклы одеты в народные костюмы 20 губерний России — по ее образцам. Наряду с моделированием одежды для готовых кукол она создала прекрасные образцы артельного стиля в мягкой игрушке. Ее тряпичная кукла «Дочка» живет в Сергиевом Посаде с 1998 года, участвует в выставках, нравится зрителям и покупателям, взрослым и детям. Туловище представляет собой мешочек, набитый ватой. К нему пристроены свободно болтающиеся ножки-столбики — удачная конструктивная и пластическая находка. Кукла размером 25–27 см хорошо сидит, ее легко одеть и раздеть. Ее одежда — это съемные русские костюмы, каждый скроен отдельно, чтобы не повторяться в деталях. Художница сама «строчит» своих кукол, дочь Мария, тоже художница, вышивает кукольные лица, другая дочь Елена кроит. По сути это домашняя кукольная мастерская. Именно такие инициативные мини-производства и принесли славу сергиевской игрушке в XIX веке.

Сразу трудно понять, в чем кроется обаяние простой тряпичной куколки Дмитриевых. Нет в ней ни броскости, ни излишеств, ни претензии на авторскую исключительность. Рукодельную куклу держит форма, добротная, отработанная, отлаженная по технологии для тиражирования. Приобретая серийную вещь, покупатель сравнивает изделия, живо реагируя на нюансы оформления, сочетание цветов и фактур. Тряпичные куколки Дмитриевых тоже хочется перебрать, перетрогать, отыскивая свою «Дочку». Кажется, все они равно хороши, все на одно лицо, но не найти абсолютно схожих костюмов, одинаковых глаз. Это результат профессионального понимания природы игрушки, ее назначения — заслужить детскую привязанность и любовь. Такую непростую задачу оптимально решает игрушка артельного стиля, демократичного по своей сути и художественного по форме.

А. Дмитриева. Кукла «Дочка» и ее одежда. 27 см, 1998 г.

Мария Дмитриева — профессиональный художник по игрушке, закончила Российский художественно-технический колледж игрушки в Сергиевом Посаде и Московский текстильный университет им. А.Н. Косыгина. Художница сделала тряпичную куклу своей профессией, интересной творческой работой. Ее рабочее место прямо в экспозиции народного искусства Сергиево-Посадского историко-художественного музея-заповедника. Мастерски сделанные художницей тряпичные куклы толпятся на столике дружной семейкой, открытые и доступные зрителю. Художница ловко свертывает традиционную куколку размером 4–5 см — ее можно спрятать в кулачок. Это очень нравится девочкам — такое приобретение можно сделать тут же, получив куколку из рук мастера. Наряженные куклы-столбики — наглядное пособие по русскому костюму с его яркой гармонией, созданной сочетанием льняного холста с красным и цветастым ситцем, с черными клетчатыми тканями, напоминающими домотканую пестрядь. На кукольной выставке можно узнать про многие обряды и праздники, про крестьянское детство. Для этого Мария Дмитриева показывает и рассказывает, как мастерить тряпичную куклу.

С надежной стилеобразующей конструкцией закрутки-столбика Мария не расстается. Скрученный или набитый столбик от (3 до 60 см) легко превращается в деревенских женщин и девок, в парней и мужичков, в модные городские парочки, в свадебные персонажи. Например, в «Вологодской свадьбе» 21 кукла и каждая легко узнается. Жених и невеста, родители и подружки, сваты, дружки — можно проиграть весь свадебный обряд.

Куклы М. Дмитриевой побывали на многих выставках в Москве, разъехались по частным коллекциям России, попали во Францию, Швецию, Японию, США, представляя там русскую культуру.

М. Дмитриева. Куколка-спаленка.
34 см, 1999 г.

М. Дмитриева. Кукла-мамка. 24 см, 2006 г.

Художник варьирует сюжет материнства, надевая куклу образной символикой. Подобно матрешке, многодетная «Мамка» интересна и как игрушка: развяжите пояс, и в вашем распоряжении окажутся сразу пять куколок-младенцев.

М. Дмитриева. Кукла на удачный выход замуж (по поволжским мотивам). 34 см, 1999 г.

М. Дмитриева. Дама с ридюлем. 50 см, 2001 г.

М. Дмитриева. Кукла-ведучка.
44 см, 2006 г.

Ведучка — тип резной деревянной куклы, характерный для сергиевской игрушки XIX века. Яркие расписные фигурки в кокошниках изображали кормилицу, ведущую перед собой младенца, — отсюда и местное название «ведучка». Автор создала оригинальный образ тряпичной ведучки.

М. Дмитриева. Влюбленная девушка. 31 см, 1999 г.

Автор творчески соединяет простейшую конструкцию традиционного столбика с детализацией кустарной игрушки. Тряпичный столбик с палочкой-подставкой внутри придает фигурке цельность и устойчивость. Удлиненные пропорции, изысканный костюм, вышивка лица с живой асимметрией черт, тонкие ручки из тряпичных трубочек — художественная авторская реплика на посадскую куклу-талию XIX века. О ней сразу напоминают ладошки с пальчиками-трубочками, скрученными из тончайшего батиста. Белые ручки придают образу девушки хрупкое изящество.

М. Дмитриева.
Девка с косой.
13 см, 2004 г.

М. Дмитриева. Куколки
из бабушкиного одеяла.
9—10 см, 2003 г.

М. Дмитриева. Кукла-пеленашка
в свивальнике. 37 см, 2006 г.

Это почти достоверная иллюстрация традиционного пеленания младенца, принятого до середины XX века. Кукла-столбик завернута в пеленки и крепко крест-накрест стянута свивальником, завязанным на узел. Свивальник шит по всем правилам: набран из пестрых треугольных лоскутков, посажен на подкладку, обшит по краям для прочности. К внешней пеленке, отделанной кружевом, прикреплен наголовник из старинной золотной тесьмы, имитирующей вышивку. Расшитый наголовник не только прикрывал лицо младенца, но и выполнял обережную роль.

М. Дмитриева. Кукла-пеленашка. 30 см, 1998 г.
Называя тряпичные фигурки пеленашками, автор возвращает забытое местное название артельной куклы, изображающей спеленутого младенца. Пеленашка-столбик сшита из старого одеяла и отделана кружевом. Изображенное вышивкой спящее лицо и изогнутой формы тельце создают убедительный образ куклы-младенца.

Галина Дмитриева – московская художница, которую знают как одаренного живописца и графика, иллюстратора детских книг, но мало кто знаком с ее творчеством кукольника. Не каждый художник сможет придумать новый яркий образ в кукле. Фигурки Г. Дмитриевой рождаются без предварительных рисунков и эскизов. Галина собирает их экспромтом из старого текстиля, взяв в качестве основы бутылки красивой формы. Не подражая конструкции народной куклы на палочке, худож-

Г. Дмитриева. Старая дама с собачкой. 40 см, 2003 г.

Живописный облик дамы напоминает сарьяновские женские типы. Голова сформирована фактурным клеящимся бинтом, рот вышит, глаза рисованные, на лицо приклеен прямой длинный нос из отдельного кусочка бинта. Туловище обтянуто носком и обернуто лоскутом шерстяной клетчатой шали, по краю которой красным крестиком закреплены кисти. Такие же цветные кисти свисают вместо волос и служат украшением шляпы, сделанной из vareжки. Синяя собачка-такса в клетчатой попонке сформирована из гипсового бинта, а пудель — из клеящегося. Уши и хвост получились из наматанных льняных ниток.

Г. Дмитриева. Дед Дафа. 35 см, 2003 г.

ница интуитивно использует именно ее. В горлышко бутылки вставлена отслужившая свой век живописная кисть вместе с намотанной на нее тканью — получился остов куклы. Одевание фигурки подобно артистичной импровизации. В ход идут остатки шалей и кружев, старые носки, чулки и кофты, обрезки меха и тесьмы, цветные нитки и другой подручный материал. Обрывок старинного коврика или павловско-посадской шали может стать поводом для новой куклы. На лица кукол и мордочки животных идут гипсовые и клеящиеся бинты — из них легко лепить, они прекрасно держат форму. Какие-то детали шьются более тщательно, а что-то пришито, приколото, привязано прямо к кукле «наживую». Правил здесь нет, повторить сделанную куклу не смогла бы и сама художница. Образ рождается по мере того как ложится ткань, как складывается цветовая и фактурная гармония.

Иногда материал упорно сопротивляется задуманному, значит, нужно искать что-то другое. Удачная пластическая находка может подсказать совсем другой образ, и тогда художница, следуя за материалом, доведет его до завершения. В таком живом творчестве рождаются сказочные и литературные персонажи, характерные типажи близких людей — «Влюбленная пара», «Дама и кавалер», «Щелкунчик», «Старая дама с собачкой», «Карабас-Барабас», «Молочница». Как живой, едет на ослике «Дед Дафа», прямо держится на своем коне «Рыцарь печального образа».

Сделанные экспромтом куклы — живое выражение таланта и темперамента художника.

Г. Дмитриева. Рыцарь печального образа. 40 см, 2003 г.

Елена Коновалова, мастер-художник традиционной народной куклы, живет в Санкт-Петербурге. Ее работы имеют узнаваемый авторский почерк, отличаются высоким уровнем исполнения и художественным вкусом. Работы художницы находятся в музеях Архангельска, Саратова, Мурманска, в частных коллекциях в России и зарубежных странах.

Е. Коновалова закончила художественную школу, отсюда — благородство красочной палитры в изделиях из текстиля. Ее тряпичные куклы живописны, они построены на тонких колористических и фактурных сочетаниях.

Основная специальность Елены (архитектура) тоже нашла отражение в стиле и манере создания тряпичных кукол. В них все продумано, крепко собрано, надежно сшито и связано разными способами. Е. Коновалова владеет многими традиционными женскими ремеслами. При изготовлении кукол она применяет ручное и машинное шитье, плетение и ткачество (пояса), валяние шерсти (шапки и валенки), вышивку и низание бисера (лица, головные уборы, украшения). Особое значение художница придает проработке отдельных деталей.

Е. Коновалова. Куклы-курочки.
47 и 42 см, 2004 г.

Подобные куклы бытовали на Кубани и в других регионах. Художница создала новые фольклорные образы. Они вызывают добрую усмешку намеком на сходство людей с домашней птицей. Ключевое решение заключено в сучковатых ножках, похожих на куриные лапки. Такие ноги-палочки с сучками использовались и в народной тряпичной кукле. Их привязывали к туловищу и обкручивали вязками из темной ткани, имитируя обувь на каблуках.

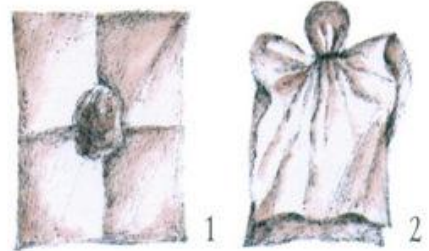

Народное искусство Елена изучала в этнографических экспедициях по северо-западной России, в Мурманском областном центре художественных ремесел, а также в г. Апатиты под руководством талантливой художницы и кукольницы Татьяны Городишениной (творческий центр «Иван да Марья»). Отсюда ее пристрастие к северному костюму и орнаментальному узору. Уже несколько лет Елена Коновалова сама ведет творческие семинары и мастер-классы по традиционным народным куклам. Она знает десятки их вариантов. Многие мастера делают тульскую покосницу, карельскую рванку, вятскую веснянку. Принцип конструкции и технические приемы у всех примерно одинаковые, традиционные. Однако куколки Коноваловой можно легко узнать по мягкому живописному облику, пропорциональности формы, вниманию к деталям и мастерству исполнения.

Чтобы сделать тульскую покосницу, в центр прямоугольного лоскута заворачивают ветошь (1). Формируют голову, перевязав нитью шею куклы (2). Из излишков ткани по месту плеч формируют руки, обкрутив рукава красной ниткой (3).

Перевязывают талию и, сделав на груди обереговый крест, одевают куклу. Светлая холщевая основа — длинная рубаха. На нее надета красная юбка из прямоугольного лоскута, который крепится простым привязыванием со сборкой. Передник привязан выворотным способом, с запахом сзади. Платок с заложной на голове складкой завязан под руками сзади (4).

Е. Коновалова. Тульские покосницы. 15 см, 2007 г.

Этот вариант простейшей игровой куклы-завертыша нашла Ирина Агаева в деревне Федоровка Ленинского района Тульской области. В исполнении Е. Коноваловой фигурка обрела индивидуальное звучание.

Для карельской рванки в центр квадратного лоскута кладут комочек ветоши или очеса льна (1). Свернув лоскут и перевязав шею, формируют узелковую головку (2). Из светлой ткани сворачивают пустотелые трубочки-ручки, перевязав их концы (запястья) красной нитью (3). Ручки вставляют в середину между краями свисающей ткани и закрепляют, перевязав туловище по талии. Делают узелковые груди и привязывают их к туловищу нитками (4).

На куклу надевают красно-вишневый жилет — отличительная деталь национального костюма карел. Жилет сделан из лоскутка, рассеченного в центре в виде перевернутой буквы Т (5) и надет через голову. Образующиеся у ворота срезы и боковые края жилета подворачивают внутрь. Жилет подвязывают под грудью.

1

2

3

4

5

Е. Коновалова. Бабы (карельские рванки). 16 и 17 см, 2007 г.

Игровая кукла размером с ладонь, сделанная из рваного лоскута (отсюда ее название), найдена в карельском селе Пряжа мастером-педагогом Татьяной Яшковой из Петрозаводска. Карельские рванки Е. Коноваловой имеют авторские нюансы в технологии, более «русский» облик и колорит.

Юбку из квадратного лоскута надрезают в центре крестом (6) и надевают снизу, при этом уголки срезов заггибаются внутрь для того, чтобы привязать юбку к талии выворотным способом. Затем также выворотным способом привязывают передник и подвязывают крученым пояском. На голову повязывают нижний красный платок — стилизованный повойник, а затем верхний — по-бабы, с двумя заломами, концами назад (7).

6

7

Е. Коновалова. Люлька-лапоть
(по мотивам калужских кукол).
16 см, 2004 г.

Т. Яшкова. Карельская рванка.
17 см, 2007 г.
При изготовлении карельских рванок
юбку можно расположить прямо или
уголком.

Вятская веснянка делается так. Головку (1) — маленький столбик, скрученный по спирали в плотную закрутку (высота 2 см, диаметр 1,5 см), вкладывают в прямоугольник светлой хлопчатобумажной ткани (2) длиной в полторы ладони (нижняя рубаша). Сворачивают заготовку в скатку, перегибают ее пополам и перевязывают по месту шеи белыми нитками (3). По тому же принципу скатки делают руки, подогнув края лоскута с двух сторон и перевязав на концах «конфеткой» (4). Руки-«конфетку» привязывают к спине крест-накрест и перевязывают туловище по талии (5).

Одевают куклу в сарафан с подрезами. На прямоугольном лоскутке делают два подреза (6). Надевают сарафан на куклу, вставив руки в подрезы. Драпируют сарафан по фигуре с запахом сзади, привязывают красной нитью под руками, сформировав на груди обереговый крест (7). Затем привязывают передник.

*Е. Коновалова. Вятские веснянки.
17 и 16 см, 2007 г.*

Бесшитьевая игровая кукла-веснянка найдена вятским мастером Ниной Осиповой из г. Кирова. Творчески используя традиционную технологию, Е. Коновалова создала авторский вариант куклы: образ голенастой девочки на длинных тонких ножках-трубочках, обутой в лапоточки.

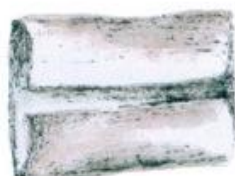
1

2

3

4

5

6

7

8

Головку куклы повязывают пестрым платочком. Подпоясывают красивым пояском, крученым или плетеным из цветных шерстяных ниток (8).

Ноги кукле не делали, их придумала Е. Коновалова. Половинки туловища она скручивает в трубочки и перевивает прочной ниткой. Концы трубочек загнуты в ступни путем обкручивания «пяточки» нитками восьмеркой.

Е. Коновалова. Архангельская свадебная кукла.
56 см, 2003 г.

Оригинал этой куклы был найден О.В. Голубковой, сотрудником Института археологии и этнографии РАН (Новосибирск), во время экспедиции 2001 г. в селе Воскресенка Калачинского района Омской области в семье потомков архангельских переселенцев. Центральная фигура композиции схожа с изображением языческой богини Мокоши на северорусских вышивках, которыми украшались вещи, предназначенные, как и данная кукла, для свадебного обряда. Вторая, маленькая, фигурка изображает невесту, третья представляет жениха. Все их шила мать невесты. До свадьбы молодые не должны были видеть приготовленные для них куклы. Во время обряда мать невесты снимала с подола большой куклы маленькие и передавала молодоженам с пожеланием благополучия и чадородия. Большая кукла оставалась в ее доме.

Е. Коновалова. Кукольная парочка.
9 и 11 см, 2007 г.

Реконструкция кукол из с. Верхний Березник Устьянского р-на Архангельской обл. (по материалам этнографической экспедиции Устьянского центра культуры, с. Шангалы Архангельской обл., 2003 г). В пластическом оформлении кукольной головки принципиальное значение имеет «бабья» прическа. Тугой тряпичный шнур на затылке, изображающий собранные в пучок волосы, — признак социального статуса женщины.

Светлана Леонова — художник-декоратор. Закончила Тбилисское художественное училище, работала художником по вышивке в Доме моделей в Тбилиси. Оказавшись в 1990-е годы в Подмоскowie, стала вести занятия с детьми по мягкой игрушке и кукле. Сделала немало авторских работ, участвовала в выставках текстильной куклы. Однако настоящим художником-кукольником себя не считала.

В 2003 году она познакомилась с художницей В. Булыгиной, прошла ее мастер-класс и поняла, что кукла может стать предметом серьезного творчества. Теперь С. Леонова много и увлеченно работает. Чаще идет от образа, стремится создать характерный типаж, такой, например, как «Девушка на выданье». Тряпичная героиня красотой не блещет. Но наряд в порядке: кружевная отделка, жакет с вышивкой, бусики на шее, косу украшает наконечник, на плоской головке золотая девичья повязка — есть на что посмотреть. Художница любит воспроизводить в кукле типы мещанской среды прошлого. Тщательно изучает костюм — крестьянский и городской. Интересна ее серия малых куколок, облик которых навеян дымковскими и городецкими «барынями».

«Дама с муфтой» — прекрасный образец лоскутной пластики. В ее основе — простая конструкция: головка — узелок, туловище — набитый мешочек, посаженный на «бублик» из туго скрученной ткани. Кукле лица не нужно. Главное — динамичное решение фигурки. Это большое художественное достоинство. Спереди — муфта с ручками калачом, сзади — отлетающие фалды жакета, юбка — с зафиксированным движением складок, цветовая палитра в две локальные краски — все эти приемы делают фигурку живой, яркой, образной.

*С. Леонова. Девушка на выданье.
24 см, 2006 г.*

Слева: С. Леонова. Все в прошлом.
29 см, 2006 г.

Глядя на эту куколку, никак не подумаешь, что она сделана на основе традиционной технологии. Изготовление фигурки начинается со скрученной узелком головки, вниз от которой намотано туловище. К нему привязана узелковая грудь, пришиты ручки и ножки, скрученные в плотные трубочки. Одежда куклы выполнена вручную и тщательно продумана в деталях. Плюшевое пальто посажено на подкладку и приталено по довоенной моде. Нежное белое личико с яркой вышивкой — важный акцент в художественном решении кукольного образа. Разве такой красавице ходить в валенках и барежках, носить большую хозяйственную сумку?

С. Леонова. Дама с муфтой. 14 см,
2006 г.

С. Леонова. Дама с ридикюлем.
11 см, 2006 г.

Тряпичная фигурка имеет оригинальную конструкцию. В основании — квадратный кулечек с насыпанной в него крупой. «Барынька» неожиданно оказывается зернушкой. Изнанка куклы приятна на ощупь, мешочек с перловкой выполняет роль устойчивой подставки.

Верхняя часть конструкции — торс — тоже мешочек, только стянутый из круглого лоскута-кофты и наполненный ватой.

Рукава, набитые синтепоном, служат ручками куклы.

Головка — традиционный узелок. Волосы имитирует свалявшийся кусочек шерсти от белого оренбургского платка, что подчеркивает почтенный возраст дамы.

Мастерская Татьяны Басовой возникла в Москве в 1994 г. в ДК «Оптимист». Любимые темы в первые годы работы — лоскутные картины, мелкая текстильная пластика, ситцевые бусы. Несколько позже занялись изготовлением традиционной народной куклы.

Руководитель мастерской Т. Басова старалась создать среду, способствующую творческому развитию. Книжки и журналы по искусству, буклеты, каталоги выставок, реальные предметы из различных коллекций часто становились стимулом для творчества. Знакомство с традиционными текстильными техниками (вышивкой, плетением, ткачеством), а также с особенностями костюмов различных губерний оказалось удачной подготовкой к работе над тряпичными куклами.

Впервые о столбушках, зернушках, вербных херувимах, цельных, зольных, бойцовых и других куклах студии узнали в конце 1999 года на выставке в павильоне «Культура» на ВВЦ. Стенд о традиционной народной кукле был подготовлен педагогом из Лыткарина М.И. Сахаровой. Вскоре в мастерской появились изделия известных мастеров: М. Сысоевой из Череповца, Е. Коноваловой из Санкт-Петербурга, Т. Городишениной из г. Апатиты, И. Агаевой из Тулы, Р. Тарасовой из Калуги, а также куклы, сделанные мастерами петербургского этноклуба «Параскева». Т. Басова говорит: «Самое главное, что мы теперь точно знаем: учиться делать традиционную куклу надо у мастера».

Очень значимой стала встреча с искусствоведом и исследователем Мариной Мишиной из Санкт-Петербурга. Особый интерес вызывает творчество каргопольской художницы Елены Диковой. Ее великолепные куклы стали предметом изучения на целый год.

Т. Басова давно собирает тряпичные куклы. На основе ее коллекции (при участии «Галереи XXI век») возникла передвижная выставка «Красавицы, девицы и иные лица», которая начала свое путешествие по стране с г. Александрова Владимирской области в декабре 2006 года. В экспозиции более 500 кукол: от традиционных деревенских — вятских и тульских, каргопольских и шуйских — до современных авторских произведений.

А. Воробьева. Кукла-зернушка.
14 см, 2006 г.

Справа: калужская зернушка
(из коллекции Т. Басовой). 16 см,
2002 г.

Зернушка — это кукла-мешочек, наполненная крупой или зерном и наряженная в традиционную женскую одежду из лоскута. Основу куклы делают по-разному. Углы сшитого и вывернутого холщового мешочка загибают к центру и пришивают наружным швом, отчего мешочек приобретает объем. Мешочек также шьют с круглым вшивным доньщиком с изнанки и выворачивают. Верхний край мешочка отгибают, прошивают по кругу и продергивают в кулиску шнурок. Можно сшить мешочек лишь по боковой стороне, а дно образовать, связав ниткой нижнюю часть получившейся трубочки, после чего вывернуть. Насыпав в мешочек зерно, верхнюю часть тоже стягивают ниткой. Получается кукла с «прической», торчащей хохолком.

Делают зернушку и вовсе не пользуясь иголкой. Прямоугольник ткани складывают втрое, перевязывают ниткой дно и выворачивают. Насыпав зерно, связывают ниткой «макушку», а затем перевязывают столбик, образуя шейку.

Кукла-зернушка — хороший подарок с пожеланием урожайного года, добра и благополучия.

И. Киселева. Деревенская девочка (по авторской кукле «Нюрочка» Е. Змеевой). 28 см, 2006 г.

Т. Басова.
Бабушка и внучка.
20 см, 2006 г.

Е. Шелехова. Кукла «Лизочка» (по авторскому образцу Е. Диковой). 33 см, 2006 г.

Основу куклы выполнена в традиционной технике «скрутка» из плотной хлопчатобумажной ткани с подвернутым краем, что придает кукле форму и устойчивость, а также имеет самостоятельную эстетическую ценность.

Марина Мишина с 2000 года исследует педагогическую, этнографическую и искусствоведческую проблематику народной куклы. Ведет мастерскую, где обучает технике и технологии народной текстильной куклы, преподает в Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования.

Она занимается классификацией и систематизацией кукол народов России. Пытаясь показать их региональные особенности, М. Мишина разработала темы «Куклы Архангельской губернии» и «Куклы финно-угорского мира». Она проводит семинары и мастер-классы для педагогов, художников и любителей, интересующихся национальной культурой России. Наглядным материалом служат авторские коллекции кукол, бытовавших в России в XIX — XX веках. В большинстве случаев — это реплики на этнографические образцы, хранящиеся в фондах музеев Санкт-Петербурга. В коллекции представлено более 30 кукол.

Исследовательница собрала материал и на другие темы. Основу коллекции «Материнство в народной кукольной традиции» составляют куклы центральных, южных и северо-западных регионов России. Это такие куклы, как «Московка», «Купеческая закрутка», «Зольная», «Жница», «Мамушка» и другие. Еще одна растущая коллекция — «Невесты России», для которой автор создает куклы в женских свадебных костюмах.

Ее работы хранятся в государственных музеях Кирова, Екатеринбурга, Мурманска, Соловецком историко-краеведческом музее-заповеднике, а также в частных коллекциях различных городов России, Англии, Австралии, Германии, Италии, Норвегии, США, Японии.

М. Мишина. Кукла с монистами в черных сапожках. 27 см, 2005 г.

Эта кукла — авторская реплика на игровую куклу из Куйбышевского района Калужской области. Разноцветное монисто имитировано красочным чередованием шелковых лент. Черные сапожки изображены традиционным способом: веточки с развилками обмотаны черной тканью.

М. Мишина. Венгская куколка-перевертыш. 10 см, 2004 г.

М. Мишина. Новгородская спорученка (из серии «Невесты России»). 28 см, 2005 г.

М. Мишина. Тульская молодуха (из серии «Невесты России»). 39 см, 2005 г.

М. Мишина. Вепские куколки на подвеске. 4–5 см, 2007 г.

Галина Осиненко, инженер и художник из подмосковного Хотькова, начала делать тряпичные куклы в первой половине 1990-х годов. От природы наделенная художественным чутьем и даром к рукоделию, она стала изучать подлинники в коллекции Сергеево-Посадского музея игрушки. Чтобы понять эстетику русской традиционной куклы, почувствовать принципы ее формообразования, Г. Осиненко решила сделать реплики на музейные образцы. Художница выбрала орловские куклы: они впечатляют колоритным костюмом, выразительным строением и внушительным размером (от 40 до 60 см).

В основе куклы, повторяющей подлинник из Новосильского уезда, — цельный, сшитый вручную мешочек, плотно набитый тряпьем. Большая круглая голова перетянута по шее, груди из плотных шариков замотаны полоской красной ткани, перекрученной спереди и завязанной сзади. По бокам туловища привязаны палочки-ноги, ступни выструганы, образуя каблучки. Ноги обмотаны до колен полотняными полосками, как онучами, ступни обшиты черной хлопчатобумажной тканью, чтобы обозначить башмаки. Рук нет — их заменяют пустотелые рукава рубахи.

Еще один интересный пример творческого переосмысления старинных изделий — наборы кукол, нашитых на тканую ленту по несколько штук. Такие наборы, только на бумажных лентах (своеобразный вид упаковки), выпускали артели мягкой игрушки в 1920-е годы. В народе их называли «малявочки». Фигурки размером около 6 см делали на проволочном каркасике, обкручивали нитками, а набивную головку обтягивали легкой тканью и расписывали. Малявочки изображали девочек в разных платьях, негритят, китайчат и матросиков. Эти артельные образцы поразили Г. Осиненко своей богатой вариативностью при единообразной конструкции фигурки.

В основу своего кукольного набора художница положила универсальный столбик-скрутку, который, по мнению художницы, годится не только для крестьянской игрушки. Простейшая конструкция позволяет сделать и городскую разодетую даму с офицером, и нарядную барышню с кавалером, и ангелочка — хранителя всего кукольного семейства. Каждая

фигурка индивидуальна по костюму и вышивке лица, безупречна по подбору тканей и цветосочетаниям.

Повтор, вариации и тем более реконструкция дают незаменимые уроки мастерства в искусстве и технологии народной куклы. Постепенно от старых образцов-эталонов через ретроварианты Г. Осиненко перешла к импровизации, к образной кукле-персонажу, демонстрируя универсальность простейшей конструкции традиционной куклы. Теперь у Г. Осиненко есть чему поучиться. Она умеет работать с материалом, подбирать ткани. Чтобы сделать гармоничный набор для кукольной одежды, на основную деталь костюма (например, ткань для сарафана) она выкладывает лоскуты более мелких деталей и отделку, оценивая тряпичную палитру с расстояния, как художник — картину.

Слева: Г. Осиненко. Кукла в народном костюме Новосильского уезда Орловской губернии. Реконструкция. 60 см, 1999 г.

Рубаха до колен из грубого домотканого полотна сшита на швейной машинке черными нитками. В обметанном разрезе видна грудь, прикрытая кружевом. Понева с прошивой спереди и фартук передают черты орловского костюма. Головной убор выполнен с особым тщанием. Он закрывает всю голову, состроен из красного ситца, украшен сзади голубой и красной лентами. «Опушина» собрана из широкой атласной ленты, налобная часть повойника расшита галуном, узорной тесьмой, бисером, блестками, бусами.

Г. Осиненко. Кукла Орловской губернии. Авторская реплика. 60 см, 1995 г.

Г. Осиненко. Куколки «В дорогу».
7–9 см, 2000 г.

Внизу: карманные куколки на
ленте. 11–13 см, 2001 г.
Фигурки держатся на ленте с помо-
щью шнурочка. Ослабив его, куколку
можно взять в руки, а потом при-
крепить на свое или другое место —
это тоже интересно ребенку в
игре. Лента легко сворачива-
ется, куколки не мнутся,
образуя компактный и
красивый сверточек.

Тамара Перевезенцева создала живописную галерею кукольных образов по мотивам старой сергиево-посадской игрушки, которая известна резными деревянными раскрашенными фигурками, расписными куклами из папье-маше и мастики. Сделать такие типажи из ткани еще никто не пробовал. Следуя народной традиции, она использует конструкцию куклы-столбика, умеет превратить любой имеющийся под рукой лоскут в яркую деталь кукольного костюма.

Традиционных для сергиевской игрушки барынь, кормилиц, нянек, гусариков и франтов Т. Перевезенцева тщательно одевала в городские костюмы. Но постепенно мастерица отказалась от изображения конкретной одежды и теперь, создавая куклы, идет не от костюма, не от моды, а от самой формы куклы, от свойств и особенностей современного текстиля. В работе с материалом пришли смелость и раскованность. Она пользуется лоскутом, иголкой и ножницами, как художник кистью и красками. Ничего не кроит специально: ни платья, ни мундиры, ни головные уборы, а виртуозно приспособливает лоскут любой формы, пускает в дело прямые и косые кусочки ткани, извлекает красоту из обычных обрывков, обрезков, кромок материи.

Несмотря на кажущуюся случайность материала, изготовление куклы Т. Перевезенцева начинается с подбора тканей по фактуре, цвету, орнаменту, считая это самым главным в работе. После того как набор лоскутов готов, она делает основу куклы — столбик. Скатывает его из сложенных вчетверо двух-трех газет — это удачный размер для куклы. Полый столбик перевязывает ниткой, а затем набивает бумагой. Основа получается легкой и в то же время плотной. Мастерица предпочитает тонкий столбик, это особенность ее кукол. Бумажный столбик она обтягивает тканью типа сурового полотна. Чисто белая ткань, как правило, выбивается из общей цветовой гаммы. Если ткань-обтяжка слишком тонка, ее можно проложить в два слоя или сделать подложку из белой бумаги.

Платье Т. Перевезенцева делает из лоскута прямоугольной формы, свободно собирая ткань в широкую легкую складку или в мелкую сборку (в зависимости от ткани), пришивает его к столбику по месту кукольной шеи и сшивает наружным декоративным швом. Затем делает ручки, обычно из той же ткани, что и платье. На узкие полоски материала кладет бумагу и сворачивает трубочки, которые пришивает по бокам. Тонкие длинные ручки сразу же обрисовывают трогательную стройную фигурку. Куклу наряжает в шаль-пелерину. Мастерица берет прямоугольный лоскут, присборивает его и пришива-

Т. Перевезенцева.
Кукла-ведучка. 44 см, 1991 г.

ет сзади к столбику. Шаль с отворотом может лечь вокруг шеи, может оказаться шарфом или косынкой. Спереди шаль украшается розеткой из маленьких ярких лоскутков или подвеской из ткани, настриженной лапшой. Можно использовать большую пуговицу, которая закрепляет шаль на кукле и одновременно выглядит декоративной брошью.

Мастерица прикрепляет к голове небольшой пучок мочала, заплетает косы, укладывая их в прическу. Шляпку для куклы она собирает из нескольких кусочков ткани, находящихся друг на друга, закладывая их свободными складками, оборками, воланами. Окончательную форму придает шляпе ножницами, прикрепляет к ней яркий бант или перо.

Осталось изобразить лицо. Т. Перевезенцева вышивает его тонкой черной ниткой — не лицо, а легкий намек, рисунок. Слабый румянец на щеках довершает живописный женственный облик куклы.

Как и в классических образцах расписных сергиевских барынь XIX века, лоскутной барыне полагается пара — модный кавалер. Гусарик в мундире с аксельбантами и эполетами похож на свою даму. С цветами в руках он важно держится на ноге-столбике, как стойкий сказочный солдатик. Куклы Т. Перевезенцевой — «мадамки» и «франтики» — результат умного, чуткого отношения к народной культуре, реальный вклад в ее возрождение.

Т. Перевезенцева.
Дама с гусаром. 30 см, 1990 г.

Алла Солодухина, инженер из Сергиева Посада, смогла найти своеобразный стиль для своих кукол, умело воспользовавшись традиционной конструкцией народной тряпичной игрушки. Лучше всего получаются у нее клоуны. Форма куклы всегда одна, но оттенки образного звучания различны. Клоун выходит то веселым, то грустным, задумчивым, словно погруженным в неведомый человеку кукольный мир. Куклы А. Солодухиной привлекательны простотой исполнения и тонкой живописностью. Это результат остроумных конструктивных находок и тщательного подбора тканей.

Клоун начинается со столбика высотой 30–35 см, плотно скрученного из бумаги и обшитого белой тканью. Как правило, мастерица готовит сразу несколько столбиков и к ним уже подбирает ткань. Для штанов, кофты, колпака используются более плотные ткани: ситец, сатин, кримплен, штапель. Отобранные лоскутки прикрепляются к столбику швейными булавками и, если все устраивает, собирается костюм. Штаны клоуна сшиты по бокам, присборены сверху и пришиты к столбику. Снизу они заложены мягкими складками и прикреплены к основанию несколькими стежками. Несмотря на простоту конструкции, эти два куса ткани придают фигурке объемность и выразительность. Кофту мастерица изготавливает из лоскута прямоугольной формы.

Чтобы оформить голову, к верхней части столбика пришивается паричок из пеньковой веревки, сложенной в несколько раз. Вереvoчные петли разрезаются и раскручиваются — получаются волосы. На них надевается колпак, который привязывается к голове тесьмой, лентой или полоской ткани.

Костюм украшен лоскутками из легких шелковых тканей, прикрепленных к костюму золотной нитью. Из них сделан присборенный воротник. Обрезки тканей на колпаке имитируют перья, бантики на костюме — пуговицы. Эти крохотные, казалось бы, бросовые, лоскуточки умело свернуты,

А. Солодухина.
Кукла на чайник.
45 см, 1990 г.

сложены, скреплены в неповторимом множестве вариаций. Завершающая деталь кукольного наряда — тщательно подобранная тесьма, перевязывающая воротник и штаны. Мастерница расчесывает волосы клоуна (вилкой!) и подстригает «под горшок». Двумя нитками (черной и красной) свободным швом вышивает брови, глаза, рот, несколькими стежками стягивает нос, отчего он становится объемным, чуть подкрашивает малиновой помадой щечки.

А. Солодухина.
Клоуны. 40 см, 1991 г.

Майя Сысоева живет в городе Череповце Вологодской области и работает в местном музейном объединении. Среди большого числа художников-кукольников она известна как автор реплик на старинные северные куклы. Совсем не просто добиться той подлинности, одухотворенности, которые так завораживают в народной игрушке. М. Сысоева использует для одевания своих кукол подлинные старинные ткани, благо что у людей еще хранятся по сундукам и чердакам старые вещи. Что-то она приобретает в поездках и экспедициях. Дома у нее целая коллекция лоскутного добра: северная пестрядь, набойка, льняные ткани, парча, позументы, куски тканых и вышитых вещей, кружева, льняная кудель. Из них-то и появляются на свет девки, бабы, молодухи. Из маленьких кусочков этнографических тканей подобран наряд ее известной куклы-лоскутушки. Майя претворяет красоту старинных лоскутов в чудесную куколку. Такие поэтические кукольные образы удаются только Майе Сысоевой.

Для того чтобы иметь время для обдумывания и тщательного подбора кукольного наряда, Майя работает поэтапно. Заводит партию кукол штук по 15–20. Сначала шьет туловище: простые столбушки — для деревенских баб, фигуристые с ручками и ножками — для городских барынь. Неодетые куклы отлеживаются в коробках, иногда подолгу, пока не дойдут руки до шитья нарядов, продуманных до мелочей, прочувствованных до нитки, до каждого стежка.

К кукольному лицу у Майи тоже особое отношение. Ее вполне устраивает безликая кукла («она смотрит в себя!»). Дети любят такие куклы, взрослые же не всегда понимают. «А с народом приходится считаться», — говорит Майя и иногда вышивает куклам «хорошенькие личики».

Последний этап работы тоже требует размышления, а потому одетые в сарафаны куклы «долго ходят лысые», снова ждут своей очереди. Головные уборы, венцы, ожерелки, косы многое значат в образе куклы. К каждой персональный подход. Майя никогда не повторяет куклу в точности, все разные.

За годы творчества мастерица создала свыше тысячи кукол. Авторские работы М. Сысоевой входят в музейные собрания Новгорода и Великого Устюга, Государственного Российского дома народного творчества в Москве, ее куклы — предмет интереса многих коллекционеров текстильной куклы и игрушки.

М. Сысоева. Кукла-девка с косой из натуральных волос. 33 см, 1998 г.

М. Сысоева.
Девка в сарафане.
26 см, 1995 г.

М. Сысоева.
Баба в шали. 13 см, 1998 г.

М. Сысоева. Кукла в чепце. 29 см, 1998 г.
Сделана по образцу из собрания Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, где хранится небольшое, но ценное собрание народных тряпичных кукол. В основе куклы, которую можно отнести к художественным шедеврам, — классический скрученный из полотна столбик. Лицо и грудь с подложенной куделью туго обтянуты одной белой полотняной тряпочкой. На голове — чепец из бранины. Длинная юбка — это присборенный конец рукава от красной сатиновой кофты, подвязанный под грудью золотной тесьмой. Аккуратная перевязь груди красной вязочкой напоминает ламки северного сарафана.

М. Сысоева. Кукла-девка.
21 см, 2006 г.

М. Сысоева. Кукла-девка.
25 см, 1998 г.

М. Сысоева. Лоскутушка.
36 см, 2007 г.

М. Сысоева. Кукла-баба.
32,5 см, 2002 г. ГРДНТ

М. Сысоева. Лоскутушка.
30 см, 1997 г.

Эта авторская творческая разработка М. Сысоевой существует и варьируется уже 10 лет. Фигурки кукол сделаны из набитого ватином туловища с пришивными конечностями. Ручки и ножки скручены из плотных трубочек или же сшиты и легко набиты ватином. Кукла не должна быть тяжелой, ведь ее место, как правило, на стене.

Лоскутушка наряжена в кофту из старого мелкоузорного ситца и прямой сарафан, стянутый на сборку. Он, подобно мозаике, тщательно собран из кусочков пестряди, набойки, кружева и других этнографических тканей. Кукла — скорее модель для оригинального костюма. Вот почему автор нарядил в него не девочку или бабу, а озорную девочку с двумя кудельными косичками. Получился цельный образ.

Римма Тарасова из Калуги — известный мастер-кукольник. Человек серьезной профессии, инженер-метролог, Р. Тарасова занялась коллекционированием еще в 1970-е годы. Собирала сувенирные куклы в национальных костюмах народов мира, а также куклы-фигурки разных промыслов России. В 1990 году на выставке в Туле она увидела куклу из мочала с «сорокой» на голове, сделанную И. Агаевой, и та поразила ее своей архаикой. Р. Тарасова решила изучать и собирать калужскую народную тряпичную куклу. С завидной энергией и настойчивостью начала ездить по местным деревням, отыскивая пожилых и памятливых жителей. За эти годы она собрала и реконструировала уже более 70 типов народной тряпичной куклы, наибольшую ценность из которых имеют именно калужские.

Авторские реконструкции Р. Тарасовой представляют собой как бы переходный тип тряпичной куклы, бытовавшей в 1920–30-е годы в сельской среде, ориентированной на городскую культуру. Об этом говорят конструкция, костюм, головной убор, лицо и весь образ кукол. В выборе темных «старушечьих» расцветок ситцев для платья, в его прямом свободном крое сказались крестьянская практичность и привязанность к привычной длиннополой рубашке. Короткий рукав, обнажающий руки, взят уже из городской моды.

Лица кукол — тоже промежуточный вариант. У некоторых еще сохранена безликость, у других чуть намечены карандашом глаза, брови, нос и рот. Это уже не столбушки и скрутки. Как и у городских кукол, их человекоподобные фигурки сделаны аккуратно и тщательно. Уже не так выделяется грудь, плотное туловище стало подвижным и гибким. Однако черты крестьянской куклы все же заметны. Ручки и ножки, по старинке скрученные в тугие холщовые трубочки, приставлены и пришиты к туловищу снаружи, а не вшиты в него. Головной убор низко надвинут на лоб. Все это вместе указывает на исторический тип тряпичной куклы, предшествующий промысловой игрушке, предназначенной для продажи.

Р. Тарасова живет и работает недалеко от Калуги, в старинном селе Козлове. В ее уютном доме-мастерской на берегу речки Росвянки размещен музей «Берегиня», где выставлено более 2000 кукол. Как настоящий музейщик Р. Тарасова составила каталог коллекции с указанием сведений о куклах.

*Р. Тарасова. Кукла. 42 см, 2005 г.
Реконструкция куклы Ферзиковского р-на Калужской обл.*

Р. Тарасова. Кукла из очеса. 17 см, 2005 г. Реконструкция игрушки Ферзиковского р-на Калужской обл.

Р. Тарасова. Соломенная кукла в деревенском наряде. 20 см, 2004 г. Реконструкция игрушки Ферзиковского р-на Калужской обл.

Р. Тарасова. Кукла. 50 см, 2005 г. Реконструкция куклы Ферзиковского р-на Калужской обл.

Р. Тарасова. Кукла-скрутка с пришивными ручками. 16 см, 2004 г. Реконструкция игрушки Ферзиковского р-на Калужской обл.

Ирина Шубенкина начала крутить тряпичную куклу, работая в Музее игрушки (г. Сергиев Посад), под влиянием прекрасной коллекции традиционной куклы рубежа XIX–XX веков. В старых куклах ее поражала воплощенная в них духовность, какие-то изнутри идущие силы. Делались такие куклы, казалось бы, просто, но эту простоту освоить чрезвычайно трудно.

Ирина готовит основу куклы — столбик: раскладывает на столе длинный лоскут белой ткани (иногда в несколько слоев) и сворачивает его плотным валиком (1). Затем валик перетягивает тесьмой, толстой льняной ниткой или узкой полоской ткани по линии шеи. Перевязанный валик может стоять — основа куклы готова (2).

И. Шубенкина. Куклы-цыганки.
30 см, 1989 г.

Как и народные игрушки, выполненные с безупречным чувством декоративного целого, куклы Шубенкиной решаются в два-три цветовых пятна. Немногие детали метко дорисовывают образ, уточняют характер типажа. Сделанные в броской раскованной манере, куклы надолго запоминаются своей нестандартностью, полным отсутствием натурализма и привычной сувенирности.

Можно пользоваться и другим материалом для кукольного тулова — бумагой, туго скручивая ее. Бумажный валик оборачивают белой тканью, сшивают ее одним долевым швом и стягивают с торцов (3). Не рекомендуется делать основу пустотелой, например, из картона: кукла теряет материальность, кажется бутылочкой.

Затем делает кукольную грудь. Берет два прямоугольных лоскутка ткани, кладет в центр каждого по комочку из ваты или плотно скатанной ветоши и перекручивает ткань несколько раз у основания (4–5). Полученные таким образом шарики подвязывает к столбику тесьмой или полоской ткани на расстоянии 1/3 от верха (6). Эту куклу Ирина одевает в крестьянский костюм. Для деревенских типажей она использует в основном ситцевый лоскут, для кукол-боярышень — парчу и шелк.

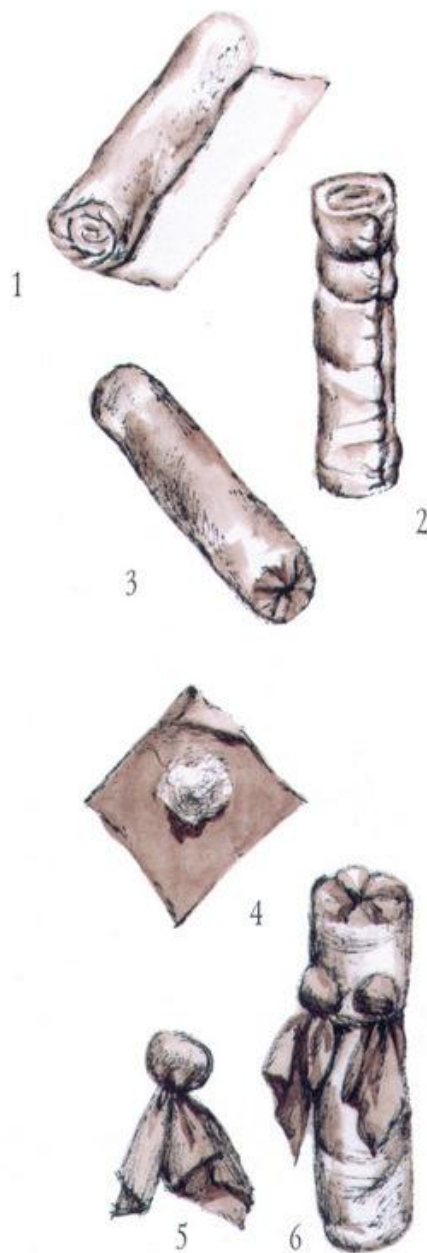
Чтобы получилась кофта, цветной прямоугольный лоскут накладывает на грудь и скрепляет (сшивает) сзади. Шнуром, тесьмой или узкой полоской ткани кофту перетягивает крест-накрест, выделяя грудь (7).

Следующая деталь кукольного костюма — юбка. Ее мастер делает из прямоугольного лоскута, присборивает сверху, надевает на столбик и прикрепляет сзади несколькими стежками (8).

Важная часть наряда — головной убор. Кукольную головку И. Шубенкина повязывает платком, низко надвинув его на лоб (9). Поверх него накладывает большой плат и завязывает сверху тесьмой-«жерелкой». Эта вторая поперечная полоска также должна быть подобрана по цвету: она не только держит плат, но и служит украшением. Свисающие концы обозначают руки, как бы закрытые платом. Фигурка куклы становится массивной, значительной. Из небольшого лоскута делается присборенный передник, который пришивается спереди к юбке и перевязывается пояском под грудью. Поясок необходимо тщательно подобрать по цветам, характерным для народного костюма (10).

Самое трудное — лицо. Линии бровей, носа, рта должны сочетаться с обликом куклы, дорисовывать, усиливать его. И. Шубенкина вышивает черты лица крупным декоративным швом.

Ценно, что произведения И. Шубенкиной — не копии старых кукол. Каждая из них — результат ее авторского творчества, основанного на традиционном художественном методе.

Этноклуб «Параскева» существует в Санкт-Петербурге уже более 15 лет. Его организатором и бессменным директором была Светлана Комарова (1959–2007), художник и преподаватель Института традиционных промыслов при Санкт-Петербургской академии технологии и дизайна. Она автор программ «Человек в этнокультурном пространстве», построенных на изучении подлинных вещей из Российского этнографического музея.

Программа «Традиционная кукла» включает изучение обрядов, в которых участвовали куклы. Члены клуба делают копии музейных кукол, переходя от простых конструкций к более сложным, требующим специальных знаний по народной одежде с ее национальными и региональными особенностями.

Особое внимание обращено на традиционный костюм для куклы, изготовление которого объединяет разные ремесла и виды художественного труда: традиционные швы, лоскутное шитье, ткачество, вышивку, плетение поясков и даже валяние из шерсти кукольных валенок.

Опыт этноклуба «Параскева» по созданию традиционной куклы чрезвычайно ценен своей этнографической подлинностью. Эту школу прошли многие мастера и художники-кукольники. Их работы, в том числе и новые, авторские, всегда отмечены особой культурой.

Этноклуб «Параскева».

Кукла-платочница. 8 см, 2006 г.

Этноклуб «Параскева» (автор И. Прус). *Вепсская куколка. 8 см, 2006 г.*

Кукольная мелочь — прекрасная игрушка и подарок, образец мастерства и вкуса. Из миниатюрных фигурок делают подвески и оригинальные бусы. Конструкция вепсской куколки аналогична платочнице. Головку, грудь и ручки связывают и скручивают из малых квадратных лоскутков и соединяют в той же последовательности. Висящие концы скрывают под юбкой. Чтобы сделать юбку, прямоугольный кусок ткани лицевой стороной внутрь накладывают на верхнюю часть куклы (сзади наперед внахлест), подвязывают под грудью и отгибают. Разрез спереди маскируют передничком, привязанным подобным же образом. В последнюю очередь повязывают головку платочком.

Изготовление куклы-платочницы

**Этноклуб
«Параскева».**

Кукла-платочница. 19 см, 2006 г.

Один из лучших образцов дизайна в народной тряпичной кукле. В самом названии содержится ключевой модуль ее конструкции — квадратный платок. Для изготовления куклы требуется три или пять платков. Они имеют необработанный рваный край — так по традиции выражена идея цельности. Этот характерный прием органичен и для эстетики куклы-платочницы. Общая особенность конструкции — расположение лоскута по диагонали.

ОБ ИЗУЧЕНИИ РУССКОЙ ТРЯПИЧНОЙ КУКЛЫ

Тряпичная кукла в России прошла более чем вековой путь изучения: от открытия и признания — через отрицание и забвение — до победной реабилитации — к возрождению.

Всегда поражает, с каким невероятным интересом и энтузиазмом люди вдруг начинают осмысливать очевидные вещи, плохо различимые, не видимые вблизи. Не зря художник, рисуя картину, постоянно отходит от нее, чтобы охватить глазом издали. Так ученые и общество заново открывали русскую икону, русскую прялку и вышивку. Так было и с народной игрушкой.

Народные куклы России любознательные москвичи могли увидеть еще в 1867 году на Всероссийской этнографической выставке. Потом она вошла в собрание московского Румянцевского музея. Здесь в роскошных залах бывшего дома Пашкова, смотрящего на Кремль, в больших витринах экспонировались «картины народного быта». «Великоруссы» были представлены «в типичных фигурах (из папье-маше, гипса и др.) в натуральную величину, одетых в подлинные национальные одежды» разных губерний России. При них находились характерные вещи домашнего обихода, в том числе «люльки, куклы, разные предметы детского воспитания, детские изделия, игрушки»³⁹. Заметим, что куклы (а это были именно тряпичные самоделки) названы отдельно от других игрушек. Значит, их особую роль в народной жизни понимали и тогда.

Кукла по доктору Покровскому

Впервые народная кукла стала предметом научного и общественного внимания в конце 1870-х годов. И связано это прежде всего с деятельностью выдающегося представителя российской науки Егора Арсеньевича Покровского (1834–1895), основоположника отечественной этнографии детства. Известный московский врач-педиатр, доктор медицины, почетный член Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, он принял самое пристрастное участие в организации Антропологической выставки 1879 года. Раздел этой экспозиции «Собрание по первоначальному физическому воспитанию», который готовил Е.А. Покровский, включал разнообразнейший «детский материал», собранный со всех концов России с помощью сети корреспондентов и информаторов. В панораме «Воспитание русских крестьянских детей в деревне» среди колыбелей, каталок, ходалок, детской одежды и игрушек заняла свое место и народная кукла, преимущественно

тряпичная. Мир детства впервые предстал как ценностное явление народной культуры.

Материалы Антропологической выставки 1879 года были переданы в Политехнический музей в Москве, и в его зрелищных экспозициях 1880–1890-х годов русская тряпичная кукла упрочила свое положение. Музейный отдел «Физическое воспитание детей у разных народов преимущественно в России» под руководством Е.А. Покровского продолжал собирать коллекцию, изучать игры и игрушки. Для этого была разработана специальная «Программа для собирания сведений относительно игрушек, игр и детских забав, употребляемых в России», адресованная народным учителям и сельским священникам⁴⁰. Отдельным пунктом в программе выделена кукла. Со всех уголков империи стекались в Москву сведения, которые систематизированы ученым в его энциклопедическом труде «Детские игры преимущественно русские (в связи с историей, этнографией, педагогией и гигиеной)», вышедшем в 1887 году. В этой самой известной книге Покровского в разделе «Игры с игрушками» можно прочитать и о русской тряпичной кукле: «В русском крестьянском населении куклы иногда устраиваются очень просто: какая-нибудь тряпочка или сильно поношенный головной платок свертывается «в скалку», перетягивается ближе к одному концу ниткою, чтобы отделить голову от туловища, накидывается на туловище какой-нибудь пестрый лоскут, заменяющий костюм, и кукла готова. ...Куклам своим девочки стараются придать более или менее человеческий образ и с этой целью устраивают им обязательно хоть какую-нибудь голову, руки, ноги и другие части. Черты лица иногда обозначают сажей, а вместо рук и ног иногда служат у таких кукол воткнутые палочки, прутки и т. д. Чаще всего кукла изображает собою мать, окруженную детьми, попечение о которых возлагается на нее, вследствие чего последняя то укладывает своих детей спать, то кормит их, то забавляет, то утешает в случае их горя. В этом последнем случае куклы, немало содействуя добродетели направлению ума и фантазии ребенка, характера и практической деятельности его в будущем, вместе с тем немало содействуя развитию его языка, речи, голоса, так как дети в своих играх с куклами нередко помногу говорят, поют, и наконец, что еще драгоценнее, мало по малу содействуя таким образом с малых лет развитию добрых, семейно-нравственных понятий и правил, очевидно, заслуживают полного одобрения и поощрения»⁴¹.

Такое серьезное внимание крестьянской тряпичной кукле в истории русской игрушки уделено впервые. Примечательно, что работы Покровского читал и даже правил Лев Толстой — его интересовали способы и средства народного воспитания.

В советское время изучение такого опыта оказалось

неактуальным. Ученые решали задачи формирования нового человека, вырабатывали художественные и педагогические требования к созданию советской игрушки — им должна была отвечать кукла, идейная по содержанию и реалистичная по форме. Народная игра и игрушка были вытеснены из системы образования. Имя Е.А. Покровского, заняв достойное место в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, не вошло уже ни в Большие, ни в Малые советские энциклопедии. Справедливости ради нужно заметить, что специалисты по народной игре и игрушке обращались к трудам ученого всегда. Теперь, уже в постсоветское время, с развитием этнопедагогики наследие Покровского возвращается читателю. Через сто лет, в 1994 году, наконец переиздан его самый известный труд «Детские игры преимущественно русские» с добротным биографическим комментарием В. Головина. Можно снова прочесть это уникальное фактологическое исследование, куда вошла и русская тряпичная кукла.

А тогда, на рубеже XIX–XX веков, мир детства и предметная среда ребенка вызвали самый разносторонний интерес. Это показала Международная научно-промышленная выставка «Детский мир» 1903 года, ставшая большим культурным событием. Игрушка демонстрировалась в разных отделах: научно-учебном, этнографическом, художественном. В экспозиции принимала участие первая в России Петровская ремесленная школа по игрушечному делу, открытая в 1899 году в городе Тотьме Вологодской губернии. Были представлены производства игрушек Московской губернии, в том числе кукольный промысел Сергиева Посада. В этнографическом отделе экспонировалась и коллекция русских тряпичных кукол. Ее собрал в 1902–1903 годах в поездках по Орловской и Курской губерниям делопроизводитель Министерства путей сообщения В.Р. Апухтин для Музея антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге⁴². В собирании и создании русской игрушки участвовали многие представители отечественной культуры.

Куклы от княгини Тенишевой

В провинции один из крупнейших центров культурной и художественной жизни, подобных подмосковному Абрамцево, находился под Смоленском в имении княгини М.К. Тенишевой Талашкино. Она собрала богатейшую коллекцию, где были представлены практически все виды народного искусства основных регионов страны — Русского Севера, Поволжья, центра России и, конечно, Смоленщины. Это классические образцы домовой резьбы, мебели, расписной деревянной посуды, набойных и пряничных досок, костюма, вышивки,

кружева, изразцов, художественного металла... Если в большинстве столичных музеев все-таки превалирует XIX век, здесь же — XVIII, XVII и даже XVI века.

В коллекцию Тенишевой входили как произведения дворянской культуры, так и предметы крестьянского быта. Люльки разной конструкции, расписные северные санки, пеленки с вышивкой, кружевными прошивками и налобником, детский фартук «бранный» и рубашка «набойчатая с ситцевыми рукавами» — сегодня это экспонаты музея-заповедника в Смоленске. Были в собрании Тенишевой и народные игрушки — об этом говорит каталог тенишевского музея 1909 года⁴³. Глиняные свистульки с разноцветной поливой — работа гончаров Смоленской губернии, «кукла в сарафане и головной повязке, голова из папье-маше, туловище из холста» и «куклы, сшитые из тряпок, для крестьянских детей, продающиеся на смоленских базарах», экспонировались «тут же среди этих художественных образцов старинных кружев», — писал в 1911 году «Исторический вестник».

Ровесницы тенишевских крестьянских кукол — смоленская кукла-полено (см. с. 13) и безликая тряпичная кукла первых лет XX века (см. с. 18) стали хрестоматийными, настолько они типичны для русской народной культуры.

Смоленские куклы поступили в Московский кустарный музей в 1900-е годы, когда там работал художник Н.Д. Бартрам (впоследствии создатель Музея игрушки в Москве), и были впервые опубликованы в сборнике, вышедшем под его редакцией в 1912 году в издательстве И.Д. Сытина⁴⁴. В научный оборот эти игрушки ввела известный этнограф В.Н. Харузина. Первая женщина — профессор этнографии в России, она читала лекции в Смоленском филиале Московского археологического института, помогала Тенишевой в комплектации научной библиотеки — это подтверждают документы и письма⁴⁵. На обширном этнографическом материале по детским игрушкам и играм разных народов В.Н. Харузина впервые показала связь куклы с культовыми представлениями и религиозными верованиями, открывая ее универсальность.

Смоленская кукла-полено поставлена в один ряд с аналогичными игрушками других народов: «...характерная черта, общая игрушкам всего мира, — это довольствование одной-двумя чертами, вызывающими представление намеком, напоминанием, сходством». Можно еще добавить, что в наряженном деревянном полence просматривается древняя идолообразная первооснова, предшествующая тряпичной человекоподобной кукле. Тряпичную куклу «без лица из Смоленской губернии» В.Н. Харузина рассматривает рядом с безликими куклами народов Севера: «У эскимосских кукол нет лиц (у многих кукол зырянских, самоедских, русских и венгерских крестьянских девочек также не намечено

черт лица) — все равно это «эскимос», потому что у него есть голова, руки, ноги, потому что он одет в меховую эскимосскую одежду определенной местности, потому что у него на голове капюшон»⁴⁶. Так и смоленская тряпичная кукла без рук, ног и без лица все равно сразу узнается и по одежде, и по облику. Наряженная в белую холщовую рубашу, в длинный синий сарафан, подвязанный коричневым коленкорным фартуком, с алой лентой в толстой кудельной косе, грудастая и дородная, эта кукла — живое воплощение народных представлений о красоте русской женщины. Такая типичная игрушка — зеркальное отражение эстетики и духовности крестьянского быта и бытия.

Народная кукла в программах исследователей

С 1890-х годов вслед за работами Покровского выходит целый ряд этнографических программ, куда включен сбор сведений по народным играм и игрушкам⁴⁷. Этнографическое бюро в Петербурге, созданное в 1896 году князем В.Н. Тенишевым, рассылает свои программы во все губернии России. Народные учителя, земские работники, волостные писари, священнослужители, мелкие помещики из 24 губерний прислали в Петербург 1444 рукописи. Эти материалы, хранящиеся теперь в архиве Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге, до сих пор не опубликованы. Сведения о народной игрушке, собранные в 1897–1899 годах, тоже ждут своих исследователей⁴⁸.

Цепочка изучения игрушки тянулась дальше. Некоторые исследователи уже разбирали народную куклу прямо «по косточкам».

В 1920 году Этнографическая комиссия Всеукраинского главного комитета по делам музеев и по охране памятников старины, искусства и народного быта приняла Программу для собирания сведений о народных детских игрушках, составленную Р. Данковской и Н. Рединым⁴⁹. Предложенный авторами вопросник по кукле содержал целых 22 пункта! Исследователей интересовало:

изображает ли кукла всю человеческую фигуру или часть ее, и какую именно;

изображает ли неопределенную человеческую фигуру или специально женскую, мужскую, детскую определенной народности;

выделены ли в кукле конечности; подвижны ли они и каков механизм движения;

выделена ли голова куклы, есть ли лицо, волосы;

одета ли кукла в полный костюм или частично, во что именно;

имеет ли кукла собственное имя;

связано ли изготовление кукол с промыслами, ремеслами данной местности и т. д.

Аналогичный вопросник публикует и известный сибирский ученый Г.С. Виноградов⁵⁰. В программе наблюдений он советует исследователям детского быта сообщать о куклах и такие подробности:

материалы, из которых состоят части куклы, способы скрепления частей;

какие черты лица и каким способом намечены;

нет ли попытки изобразить какое-нибудь определенное лицо и чье именно;

не сделано ли лицо с какими-нибудь намеренно измененными частями, почему.

В начале 1920-х годов по всей стране возникали краеведческие музеи, создавались местные общества любителей истории. Как правило, их возглавляли учителя или другие энтузиасты. Сохранились редкие описи коллекций, собранных в те годы. В 1921 году этнографический отряд Архангельского общества изучения Русского Севера собрал прекрасную коллекцию игрушек с указанием их местных названий на реке Печоре в селах Оксина и Великовисочное. Среди них более 100 тряпичных кукол и предметов для игр с ними: «ларцы и ларичьки с чеканкой и с запишкой — девки куклы держали», кукольные подушки и «шкап с камодой робечий», даже «кукольная корета — кукол волоют по полу»⁵¹.

Наряду с изучением самих кукол, занимались изучением игр с ними. Новаторское «Исследование о куклах», проведенное известным профессором психологии Стэнли Холлом, создателем первого в США института детской психологии, знали и использовали в России еще в 1910-е годы. «Воспитательная ценность кукол огромна, и настоящее исследование протестует против пренебрежения ей. Игра в куклы воспитывает сердце и волю даже больше, чем интеллект. Потому умение направлять и утилизировать игру в куклы может повести к открытию нового орудия в процессе воспитания, орудия очень большой силы», — все выводы С. Холла опирались на обширный анкетный материал⁵². Эту методику успешно применили и российские специалисты. Созданный в Москве в 1921 году Педологический институт вплотную занимался вопросами изучения игры и игрушки. Для этого разрабатывались целевые программы с обстоятельными вопросниками. Специальную программу изучения кукол (по Стенли Холлу) составил А.Г. Оршанский, доктор медицины, врач-психиатр, профессор Педагогического института им. Герцена⁵³. Опубликованный им в 1923 году вопросник интересен и сегодня как свидетельство пристрастного внимания к кукле. Он предлагал ответить на множество вопросов об отношении к кукле в разных возрастных периодах, о разных способах игры в куклы, об играх с другими предметами, а также с животными как с куклами. Вопросы были поставлены таким образом, что ответы на них непременно раскрывали психологический портрет

человека, так или иначе относившегося в детстве к игре в куклы.

Полученные ответы позволили ученым сделать вывод, что в играх с куклой отражается весь спектр окружающей жизни, проявляется природный «инстинкт материнства, имеющий громадное общественное значение». Кукла имеет художественно-психологическую значимость, а потому «идеальную» куклу для детей должен создавать художник совместно с психологом⁵⁴. Подобные исследования психологов старой дореволюционной школы, представителей советской профессуры (К.Н. Корнилов, Н.А. Рыбников и др.) в 1930-е годы шли в разрез с воинствующей большевистской идеологией. С партийной точки зрения, ученые переоценивали фактор наследственности, недопонимая ведущей роли воспитания в развитии советского ребенка. Их теория была подвергнута резкой критике. Обобщить собранные материалы и сведения не успели. В конце 1920-х годов начались гонения на краеведение, этнологию и педологию, репрессии ученых и запреты их трудов. Закрывались музеи, экспонаты уходили в хранилища. Оказались под запретом детская сказка, рождественская новогодняя елка и даже сами игрушки. Кукла была объявлена вредной игрушкой, которая «суживает интересы девочки, воспитывает чувство собственности, любовь к «тряпкам», нарядам, украшениям, закрепляет отрицательные навыки мещанского быта». Кукла была изъята из детских садов, а некоторые производства прекратили ее выпуск. Однако дети продолжали играть в куклы, приносили их с собой в детский сад из дома, пряча от воспитателей. Любимая детская игрушка нуждалась в серьезной защите.

Защищать куклу педагогам пришлось уже с твердых советских позиций. Был проведен ряд экспериментальных исследований, для чего в середине 1930-х годов была создана специальная Методическая комиссия по кукле при Комитете игрушки Наркомпроса РСФСР под руководством Е.А. Флериной, первой женщины — доктора наук в области дошкольной педагогики.

В детских садах разных городов были проведены экспериментальные исследования⁵⁵. В результате куклу реабилитировали как главный персонаж игры. Ее популярность у детей объясняли не «инстинктом материнства», а интересом ребенка к современной жизни, к образу советского человека. Этот интерес следовало культивировать и формировать, направляя в нужное социальное русло. «Особенно ярко классовые черты выступают в подаче куклы», — писал журнал «Советская игрушка»⁵⁶. Художникам надлежало создавать в кукле разные типажи — реальные образы советского ребенка, следовало уйти от безличности и традиционной условности кукол.

При таком идеологизированном подходе тряпичной народной кукле места не оставалось, хотя вплоть до сере-

дины XX века она продолжала жить и в деревне и в городской провинции. Считалось, что самодельные куклы не удовлетворяют интересы советского ребенка, «дают ограниченное число комбинаций в игре». В самом злополучном положении оказалась именно русская кукла. Как раз за ее счет, за счет русской народной традиции и происходило на первых порах становление новой игрушки советского типа и образца. С образованием в 1922 году Советского Союза под лозунгом «дружбы народов» традиционная игрушка нацменьшинств, наоборот, приобрела возможности для изучения.

В 1930-е годы большая экспедиционная и исследовательская работа проводилась в рамках Комиссии по изучению игрушки и быта детей народов СССР при Наркомпросе, куда входили видные этнографы, фольклористы, педагоги. Разные издания печатали новые материалы о самобытных народных куклах чукчей и эскимосов, ненцев и коми, хантов и манси, таджиков и узбеков⁵⁷.

Изучением национальной игрушки занимались тогда и сотрудники Музея игрушки и Научно-исследовательского института игрушки. А.Н. Рейнсон-Правдин и Е.П. Микини организовали совместные экспедиции на Алтай, Дальний Восток, в Поволжье. Не будем забывать, что в то время экспедиции эти требовали чрезвычайных усилий и нередко осуществлялись за счет личных средств ученых-энтузиастов. Собранные ими с 1931 по 1937 год игрушки, рисунки, фотоматериал существенно пополнили музейную коллекцию, стали предметом серьезного научного обобщения. В 1946 году А.Н. Рейнсон-Правдин защитил диссертацию «Игра и игрушка народов Обского Севера» — первую диссертацию по истории русской игрушки⁵⁸. Глава о куклах раскрывает семантику этой игрушки, ее глубокие связи с бытом и народными религиозно-культовыми представлениями, показывает важную воспитательную роль и национальные особенности игрушки.

На фоне довольно широкой панорамы игрушки народов СССР русская народная кукла занимала более чем скромное место. Ей посвящена ценная работа этнографа И.М. Левиной, написанная по материалам экспедиций в северные районы России в 1920-е годы. Записывая кукольные игры «в свадьбу» в селах Покшеньге и Усть-Покшеньге на Пинеге, автор описывает и сами тряпичные куклы: их типажи и костюм (невеста, жених, женка, повозник, повязочница, кукушка, тьясцки), способ изготовления⁵⁹. Теперь персонажи той детской игры «в свадьбу» 1927 года хранятся в фондах Российского этнографического музея Санкт-Петербурга. Исследование И.М. Левиной стало уникальным на долгие годы. Вновь к русской тряпичной кукле вернулись лишь спустя полвека, когда она полностью исчезла из детского быта.

Возрождение тряпичной куклы

В 1971 году вновь открылся Музей игрушки, свернутый в годы Великой Отечественной войны. Чтобы экспонировать материалы, требовалось изучение коллекции. С глиняной и деревянной игрушкой трудностей не было. К тому времени известные ученые Л.А. Динцес, И.Я. Богуславская, Н.В. Тарановская, А.К. Чекалов своими фундаментальными трудами уже ввели в научный оборот народную игрушку разных промыслов России. На пестрой игрушечной карте русская тряпичная кукла представляла очевидную лакуну; ее художественное значение искусствоведы явно недооценивали. До недавнего времени на ней просто ставили штамп «не представляет художественной ценности» — так очищали коллекции художественных музеев от непрофильных вещей.

В 1938 году Музей народного искусства в Москве передал в Музей игрушки прекрасную коллекцию тряпичных кукол конца XIX — начала XX века разных губерний России, а в 1939 году Русский музей обменял сергиевские кустарные куклы второй половины XIX — начала XX века на традиционные резные игрушки из дерева. Прошли десятилетия, пока тряпичная кукла утвердилась в равных правах среди других видов народных игрушек. И вот в 1990 году, возмещая пробел в своей уникальной коллекции народной игрушки, Русский музей вновь приобрел тряпичные куклы из Сергиева Посада, но сделанные уже современными мастерами на основе традиции. В результате поступлений из разных источников Художественно-педагогический музей игрушки РАО обладает сегодня ценной коллекцией этнографических кукол России и их принадлежностей, включающей более 700 экспонатов⁶⁰.

В 1972–75 годах хранитель Музея игрушки Г.А. Дайн начала изучать русскую тряпичную куклу в экспедициях по Ярославской области. «Живых» кукол в руках детей уже давно не было, оставалось собирать у старожилов воспоминания о детстве. Сейчас досадно, что не удалось тогда руками мастериц реконструировать традиционные образцы кукол. Такая простая практичная идея не пришла в голову из-за профессиональной узости и недалекости: подлинность вещи считалась главным непрерываемым критерием для любого музейного экспоната. Результатом экспедиций стали лишь дневниковые записи о куклах и играх с ними — сегодня это ценный документальный материал.

В 1976 году Г.А. Дайн защитила в МГУ первую искусствоведческую диссертацию по народной кукле. Тогда же в стенах Музея игрушки родилось ностальгическое желание вернуть детям тряпичную куклу бабушек и прабабушек. Ведь народная игрушка прочно вошла в систему эстетического воспитания, в программы обучения. Каждый дошкольник узнает дымковскую и бо-

городскую игрушку, различает русские матрешки. Почему же не использовать для духовного развития детей и родную тряпичную куклу?

В 1973 году Г.А. Дайн начала делать с ребятами тряпичные куклы. Экспериментальная группа работала в детском саду № 18 г. Загорска. Экскурсии в Музей игрушки, рассказы об экспедициях по деревням, беседы о старинных куклах и играх чередовались с практическими занятиями. Наглядными образцами служили музейные куклы разных областей России. К изумлению воспитателей и экспериментатора современный городской ребенок проявлял искренний интерес к куклам-самоделкам. Дети с радостью приносили с собой лоскутки разных тканей, обрезки меха, ленты, тесьму, цветные нитки и сворачивали-связывали тряпичные фигурки. Все куклы получались разными, им тут же давали имена и прозвища, живо включали в игры и с удовольствием уносили домой для сестер и братьев. На занятиях использовали и старые лоскутки, мастерили куклы из ношеного маминого платья. Такие игрушки — неперенный повод для доброго общения в семье. Ради этого стоит искать средства воздействия на ребенка. Однако удачный кукольный эксперимент в те «застойные» годы не получил официального одобрения и признания, оставшись на фотографиях и страницах неопубликованных статей. Только через 20 лет, уже в постсоветское время, тряпичная кукла войдет в детский сад и начальную школу на уроки народоведения и труда⁶⁰.

В 1980-е годы музейщиков увлекает сам процесс изготовления тряпичной куклы, ее технология. С этой целью заново изучают коллекции кукол, едут в экспедиции для встреч с мастерами-кукольниками. Такого в музейной практике еще не было. Пионерами в этой деятельности стали сотрудники Музея игрушки в Сергеевом Посаде, создавшие в конце 1980-х годов Центр сергиевской традиционной культуры. Искусствоведы В. Соловьев, Г. Дайн, Т. Перевезенцева, И. Шубенкина, М. Дайн, С. Панкова, А. Кулюкина стояли у истоков возрождения тряпичной куклы на основе ее художественных канонов в русской культурной традиции. Это творческое начинание получило быстрый отклик, вызвало общественный резонанс.

В постсоветские 1990–2000-е годы практический интерес к изучению традиционной текстильной куклы проявляется с неожиданной активностью, стремительно распространяясь по городам разных областей и регионов.

Кукольное дело преподают на уроках художественного труда и народоведения в образовательных учреждениях, изучают в кружках и студиях в музеях, центрах и домах народного, детского и юношеского творчества. Знание традиций и мастерство изготовления куклы востребованы теперь как никогда прежде.

Самые значительные коллекции тряпичной фольклорной куклы XIX–XX веков находятся в Художественно-педагогическом музее РАО в Сергеевом Посаде, в Российском этнографическом музее и Музее антропологии и этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая в Санкт-Петербурге. Исторически ценные экземпляры рукодельных кукол из ткани хранятся в фондах Музеев Кремля и Исторического музея в Москве. Традиционные тряпичные куклы, особо значимые своим местным происхождением, входят в собрания музеев Архангельска, Вологды, Череповца, Ярославля, Костромы и других городов. К сожалению, сводной информации о фольклорной текстильной кукле до сих пор нет, коллекции никогда не экспонировались полностью, не опубликованы и не каталогизированы, мало изучены и почти недоступны для исследования.

Закрытость фондов крупных музеев, а также отсутствие фольклорной куклы в большинстве периферийных коллекций дали мощный толчок к ее самостоятельному изучению и собиранию. Наиболее инициативные мастера едут в экспедиции по деревням и селам своих регионов в поисках информаторов старшего поколения, делают записи и зарисовки, реконструируют забытые и утраченные разновидности тряпичной куклы.

Результаты этой беспрецедентной работы превосходят все ожидания. И. Агаева возродила к жизни тульские тряпичные куклы, Р. Тарасова — калужские, Е. Дикова — каргопольские, Н. Осипова — вятские. Е. Коновалова реконструировала архангельские этнографические образцы, М. Сысоева — вологодские, Л. Тихонова — липецкие, Н. Комарова — чувашские, З. Лебедева — удмуртские... Этот список постоянно пополняется. Мастера публикуют свои находки на

выставках, обмениваются опытом на семинарах, курсах и мастер-классах. Появились новые интересные собрания и мастерские текстильной куклы: М. Мишиной — в Санкт-Петербурге, Т. Басовой — в Москве, И. Андреевой — в Челябинске. По существу, открылась заново целая область женского ремесла и искусства, аналогичная промыслу. Здесь также действует традиция, проявляется индивидуальное и коллективное творчество, есть спрос и предложение. Интересно, что в Мурманске мастерят тульские куклы, в Челябинске — башкирские, в Москве — кукольникают по-украински и на всех языках... Сегодня в открытом информационном пространстве это уже никого не смущает. Актуально то, что народная традиция дает плодотворную почву для развития новейшего современного дизайна текстильной куклы.

Сегодня тряпичной куклой занимаются более 150 мастериц. Творческий багаж кукольников содержит уже свыше 100 основных типов кукол и около 200 различных их вариаций. Кукольницы стараются выявить региональные особенности местных кукол, в своих авторских репликах используют этнографический костюм, подлинники ткани и отделки. Наглядный показ технологии народной текстильной куклы способствует выработке методик со специфичной терминологией, не известной ранее. Доступность технологии традиционной тряпичной куклы, остроумные изобретательные приемы и способы ее формообразования привлекательны для всех, кто хочет реализовать свои творческие возможности. Возрождение рукотворной текстильной куклы — живое феноменальное явление. Уже сегодня его следует оценить как вклад в сохранение и развитие отечественной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Сахаров И.П. Сказания русского народа. СПб., 1885. С. 150.
- ² Терещенко А.В. Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. IV. С. 12.
- ³ Найденов А. Люди и куклы / Декоративное искусство СССР. М., 1987. № 5. С. 37–39.
- ⁴ Пещерова Е.М. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков // Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, 1957. Т. XVII. С. 22–44.
- ⁵ Гогоберидзе Н.С. Каталог грузинских народных кукол. Тбилиси, 1968. С. 43.
- ⁶ Сумцов Н.Ф. О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков, 1881. С. 151–154.
- ⁷ Бессонов П.А. Детские песни. М., 1868. С. 64–65.
- ⁸ Науменко Г.М. Этнография детства. М., 1998. С. 276–279.
- ⁹ Балов А. Рождение и воспитание детей в Пошехонском уезде Ярославской губернии // Этнографическое обозрение. 1890. № 3. С. 95–98.
- ¹⁰ Синявский А.Д. 127 писем о любви. М., 2004. Т. 3. С. 39.
- ¹¹ Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки. М., 1978. С. 153–154.
- ¹² Харузина В.Н. Свадебное печенье — «роща» // Этнографическое обозрение. 1914. № 3–4. С. 179–181.
- ¹³ Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926. С. 142.
- ¹⁴ Комарова С.В. «Кукольные мужички» в собрании РЭМ: гендер в предметно-символических кодах культуры // Мужской сборник РЭМ. СПб., 2004. Вып. 2. С. 151–156.
- ¹⁵ Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 39, 41.
- ¹⁶ Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 176, 354–394.
- ¹⁷ Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979. С. 56.
- ¹⁸ Капица О.И. Детский фольклор. Песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. Л., 1928. С. 29.
- ¹⁹ Народная проза. М., 1992. С. 431–432.
- ²⁰ Герцик Э. Народные игрушки. Прага, 1957. С. 50.

- ²¹ Куликовский Г. Словарь областного Олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898. С. 78, 36.
- ²² Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки. М., 1978. С. 161–162.
- ²³ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946. С. 181–182.
- Елеонская Е.Н. Сказка о Василисе Прекрасной и группа однородных с нею сказок... // Этнографическое обозрение. 1906. № 3. С. 64–66.
- ²⁴ Ончуков Н.Е. Северные сказки. СПб., 1909. С. 118–121.
- ²⁵ Никифоровский Н.Я. Очерки Витебской Белоруссии // Этнографическое обозрение. М., 1897. № 3. С. 21–67.
- ²⁶ Лебедева Н.И. Прядение и ткачество восточных славян. В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 467.
- ²⁷ Можаровский А.Ф. Из жизни крестьянских детей. Казань, 1882. С. 13–23.
- ²⁸ Морозов И.А. Женитьба добра молодца. М., 1998. С. 35–44.
- ²⁹ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Новосибирск, 1992. С. 215–218.
- ³⁰ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Новосибирск, 1992. С. 225.
- ³¹ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Новосибирск, 1992. С. 161.
- ³² Реставрация музейных ценностей в России. Каталог. М., 1996. С. 72–81.
- ³³ Барбинова Л.А. Консервация двух кукол в русских костюмах XVIII – начала XIX века. В кн.: Труды отдела научной реставрации и консервации. I. М., 2004. С. 63–67.
- ³⁴ Морозов и Шукин – русские коллекционеры. Книжное изд-во Дюмон. Кельн, 1993. С. 43–45.
- ³⁵ Описание старинных вещей собрания П.И. Щукина. М., 1896. Ч. 11. С. 253–254.
- ³⁶ Die Russen Kommen! Spielend. Bonn. 1994. № 62, 64. С. 45, 102.
- ³⁷ Каталог Музея Императорского Общества Поощрения Художеств. СПб., 1904. С. 90.
- ³⁸ Образцы декоративного и прикладного искусства из императорских дворцов, церквей и коллекций в России. СПб., 1901. Вып. XI. Ил. 11.
- ³⁹ Иллюстрированный путеводитель по этнографическому музею. М., 1915. С. 108.
- ⁴⁰ Программа для собирания сведений относительно игрушек, игр и детских забав, употребляемых в России // Олонецкие губернские ведомости, 1885. № 27.
- ⁴¹ Покровский Е.А. Детские игры преимущественно русские. СПб., 1994. С. 90, 91.
- ⁴² Апухтин В. Игрушки крестьянских детей (по наблюдениям в Орловской губернии) // Листок международной научно-промышленной выставки «Детский мир». СПб., 1903. № 5. С. 32–33.
- ⁴³ Историко-этнографический музей М.К. Тенишевой в Смоленске. Общий каталог. Смоленск, 1909. С. 243, 323.
- ⁴⁴ Игрушка. Ее история и значение. Сборник статей под ред. Н.Д. Бартрама. М., 1912. С. 104, 106.
- ⁴⁵ Талашкино. Сборник документов / Сост. А.С. Журавлева. Смоленск, 1995. С. 500, 503.
- ⁴⁶ Харузина В. Игрушки у малокультурных народов. Сб. Игрушка, ее история и значение. М., 1912. С. 105–106.
- ⁴⁷ Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России. Кн. В.Н. Тенишев. 1898, Смоленск.
- ⁴⁸ Начинкин Н. Материалы «Этнографического бюро» В.Н. Тенишева // Советская этнография. 1955. № 1. С. 159–163.
- ⁴⁹ Данковская Р.С. и Редин Н.Е. Об изучении народных детских игрушек // Воронежский историко-археологический вестник. 1921. № 2. С. 47–52.
- ⁵⁰ Виноградов Г. Детский фольклор и быт. Программа наблюдений. Иркутск, 1925. С. 67–68.
- ⁵¹ Травин Д. Описание коллекций, собранных Печорским этнографическим отрядом в 1921 г. Архангельск, 1922. С. 29–33.
- ⁵² Холл, Стэнли. Очерки по изучению ребенка. Изд-во «Пучина», 1925.
- ⁵³ Оршанский А.Г. Игрушки. Статьи по истории, этнографии и психологии игрушек. М.-Пг., 1923. С. 150–155.
- ⁵⁴ Корнилов К. К психологии детской игры в куклы // Вестник воспитания. М., 1916. № 2. С. 36–58.
- Ребенок и игрушка / Сб. под ред. Н.А. Рыбникова. М., 1923.
- ⁵⁵ Курлова А.Н. и Литвин Ф.С. Игра с куклой. Свердловск, 1936.
- ⁵⁶ Флерина Е.А. Образная игрушка и методы ее подачи // Советская игрушка. М., 1936. № 7. С. 6–8.
- ⁵⁷ Обергальер Н.М. Хантыйские куклы // Советская игрушка. М., 1936. № 8. С. 9–11.
- Иванов С.В. Орнаментированные куклы ольчей // Советская этнография. М., 1936. С. 50–59.
- Пещерева Е.М. Игрушки и детские игры таджиков и узбеков (по материалам 1924–35 гг.). Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР. 1957. Т. XVII. С. 22–44.
- ⁵⁸ Рейнсон-Правдин А.Н. Игра и игрушка народов Обского Севера // Советская этнография. М., 1949. № 3. С. 109–133.
- ⁵⁹ Левина И.М. Кукольные игры в свадьбу и метише // Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера. Л., 1928. Т. 2. С. 201–234.
- ⁶⁰ Первые Бартрамовские чтения. Сборник материалов. 29–30 сентября 2003 г. / Художественно-педагогический музей игрушки РАО. Сергиев Посад, 2004. С. 143.
- ⁶¹ Дайн Г. Детский народный календарь. М., 2001.

Galina and Maria Dhine
RUSSIAN TEXTILE DOLLS
Culture, traditions, technology

The book tell us about history of traditional Russian textile dolls. There were many different kinds of dolls in the territory of Russia. And many of them were connected with magic rites of ancient Slaves.

The book is illustrated with folk-lore dolls of XIX–XX centuries from Art and Pedagogical Museum of Toys in the town of Sergiyev Posad and from other museums. Rare pieces of textile dolls of XVIII–XIX centuries which belonged to the elite are also shown in the book.

Revival of interest to textile dolls nowadays give us the opportunity to acquaint a reader with modern doll-makers, to present their various work, to introduce some techniques of doll-making.

Masters find different doll images in ethnographical expeditions, they write down information and make sketches reconstructing forgotten and lost types of Russian textile dolls.

И. Шубенкина. Кукла «Галина Львовна».
29 см, 1984 г.

Эта кукла — посвящение одному из авторов книги, искусствоведа Г.А. Дайн. В «портрете» отражены характерные черты женщины — советского научного работника: в правой руке ребенок, под мышкой — диссертация, через плечо — сумка с продуктовым заказом.

Об авторах

Дайн Галина Львовна — кандидат искусствоведения, член Союза художников РФ, сотрудник муниципального учреждения «Культурный центр — «Хотьково». Известный исследователь и популяризатор русской народной игрушки, автор более 250 публикаций, среди которых книги «Русская народная игрушка» (М., 1981), «Русская игрушка» (М., 1989), «Игрушечных дел мастера» (М., 1994), «Детский народный календарь» (М., 2001).

Дайн Мария Борисовна — искусствовед, организатор, директор и художественный руководитель ЗАО «Сергиево-Посадская игрушка». В 2003 году за вклад в развитие художественных промыслов Сергиева Посада награждена знаком губернатора Московской области «За полезное».

Издательство выражает благодарность авторам кукол, а также Художественно-педагогическому музею игрушки РАО и Государственному Российскому дому народного творчества за возможность воспроизвести в книге принадлежащие им произведения.

Дайн Галина Львовна,
Дайн Мария Борисовна

РУССКАЯ ТРЯПИЧНАЯ КУКЛА

КУЛЬТУРА, ТРАДИЦИИ,
ТЕХНОЛОГИЯ

Редактор
О.В. Ермолаева
Технический редактор
Г.Г. Гаврилова

Подписано в печать 14.09.07.
Формат 84x108/16. Печ. л. 7,5.
Печать офсетная.
Тираж 5000 экз. Заказ № 2998.

Издательство
«Культура и традиции»
Москва, 107078, а/я 189.
Тел./факс: 789-82-90.
E-mail: traditzii@mtu-net.ru

ОАО «Тверской ордена Трудового
Красного Знамени полиграфкомбинат
детской литературы им. 50 летия СССР»
170040., г. Тверь,
проспект 50 лет Октября, 46